

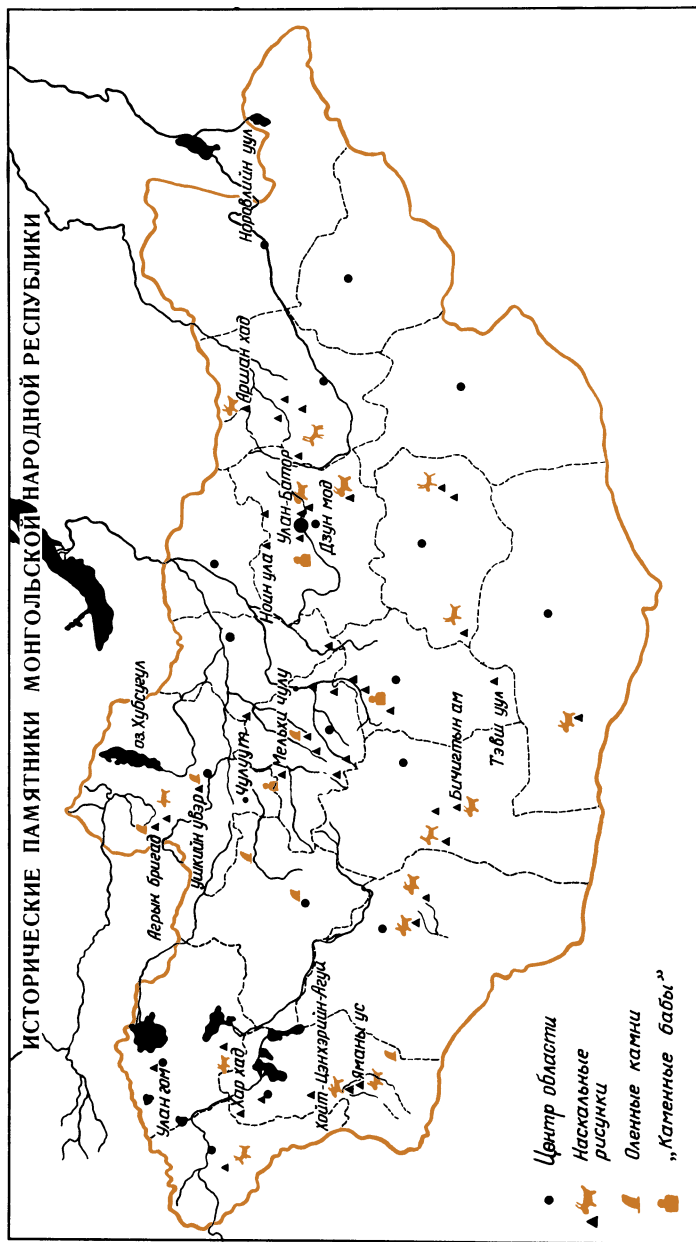
ПРОЧТИ, ТОВАРИЩ!

Э.А.Новгородова

В СТРАНЕ ПЕТРОГЛИФОВ И ЭДЕЛЬВЕЙСОВ

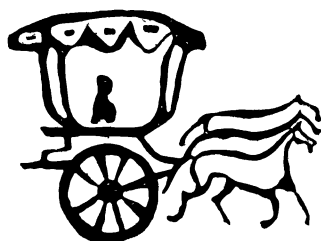
ИСТОРИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ МОНГОЛЬСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

— ПРОЧТИ, ТОВАРИЩ! —

Э.А.Новгородова

В СТРАНЕ ПЕТРОГЛИФОВ И ЭДЕЛЬВЕЙСОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЗНАНИЕ»
МОСКВА 1982

Рецензенты: Желоховец А. Н., кандидат филологических наук; Яскина Г. С., кандидат экономических наук.

НОВГОРОДОВА Элеонора Афанасьевна, кандидат исторических наук, монголовед, археолог. Автор шести монографий и многих научных и научно-популярных статей и очерков. Книги и статьи Э. А. Новгородовой изданы за рубежом на немецком, французском, английском, польском, болгарском и японском языках.

Новгородова Э. А.

Н 72 В стране петроглифов и эдельвейсов. — М.: Знание, 1982.—80 с. — (Прочти, товарищ!).

30 коп.

50 000 экз.

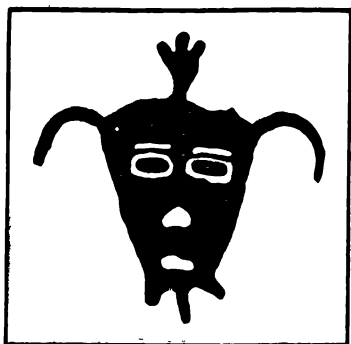
Живописная высокогорная страна эдельвейсов расположена в центре Азии. Ее населяет древний народ, об обычаях, традициях и самобытной культуре которого рассказывает автор книги — участник многих экспедиций и путешествий по Монголии. Описывается история открытий уникальных памятников цивилизации: наскальных рисунков, каменных изваяний, древних поселений, некрополей и городов.

Автор увлекательно повествует о новейших открытиях советских ученых, работавших в тесном сотрудничестве с учеными братской Монгольской Республики.

Для широкого круга читателей.

Н 0507000000—035
073(02)—82 40—82

ББК 63.5
902.7

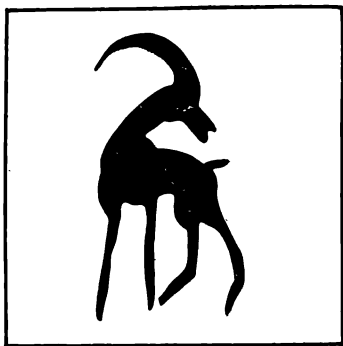
Если вы хотите отправиться в путешествие по Монголии, то настройтесь на длинный путь с горными перевалами, беспокойными реками и бескрайними пастбищами, где пасутся стада и табуны диких и домашних животных. Это музей уникальных животных и целебных трав для биологов, редких полезных ископаемых для геологов, вымерших позвоночных для палеонтологов, древней самобытной культуры для археологов, а для всех гостей — край гостеприимных и щедрых хозяев, с неизменной радостью принимающих путешественников.

Спустившись с гор, вы окажетесь в живописных долинах с белыми юртами и красивыми городами, новостройками.

Монголия представляется многим страной бескрайних песков и пустынь, тогда как в действительности это горная страна.

Равнин в Монголии мало, да и они расположены высоко над уровнем моря. Центральноазиатское плоскогорье окружено горными хребтами со всех сторон. В самом же центре Монголии и на западе страны протянулись крупнейшие горные системы — Монгольский Алтай, Хангай и Хэнтэй. Изолированная этими горами от всех морей и океанов, расположенная в глубине материка, Монголия недоступна влажным воздушным течениям, чем и объясняется ее резко континентальный климат.

Удивительна суровость монгольской природы, если учесть, что столица Монголии — Улан-Батор находится на широте Северного Кавказа, Запорожья, Вены, Мюнхена.

МОНГОЛИЯ — ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН

Исследователи называют Монголию географическим феноменом, не имеющим нигде аналогов. Действительно, в пределах МНР находится самый южный на Земле очаг распространения вечной мерзлоты, а в Западной Монголии, в Котловине Больших Озер проходит самая северная в мире граница сухих пустынь, а расстояние между линией распространения мерзлоты и началом пустынь не превышает 300 километров. По температурным колебаниям, как суточным, так и годовым, Монголия является одной из самых континентальных стран мира (максимальная годовая амплитуда колебаний температуры в Улан-Баторе достигает 90°C): зимой там свирепствуют сибирские морозы, а летняя жара в Гоби может сравниться только со среднеазиатской.

Вот эти-то поистине парадоксальные физико-географические явления вкупе с обширностью территории (протяженность с запада на восток по прямой 2368 и с севера на юг 1260 километров), четкой разграниченностью географических зон (от тайги к степи и от степи к пустыне), с резкими перепадами высот и явным преобладанием горного рельефа создают своеобразное лицо страны, определяют и объясняют ее богатство. Многообразие растительного и животного мира влияли также, как мы увидим, на ее историю и культуру.

Ученые наблюдают деление страны на биологические поясные зоны, каждая из которых характеризуется особенностями рельефа, почв, растительности, а следовательно, и спецификой биологической жизни. Выделяется следующая зональная смена растительного покрова Монголии: на севере — тайга восточносибирского типа,

далее к югу — горная лесостепь, еще южнее полоса степей, расширяющаяся к востоку, и наконец, пустынные степи, переходящие на юге страны в пустыни.

Северная горнотаежная зона изобилует лесом; леса покрывают северные склоны гор и состоят из сибирской лиственницы, кедра, сосны, березы и осины. Обитатели этой зоны те же, что и в сибирской тайге, — маралы, лоси, кабаны, рыси, медведи, соболи, россомахи и другие звери. Здесь встречается и северный олень.

Горные степи средней степной полосы лежат между хребтами Хэнтэя, Хангая и Монгольского Алтая. Там водятся антилопы-дзерены, волки и лисицы, а в альпийском поясе распространены редкие кошачьи хищники, такие, как снежный барс — ирбис, рысь, тигр, которые охотятся за дикими козлами и дикими баранами-аргали.

Гоби — особый вид пустынных степей, граница которых начинается на 500 километров южнее Улан-Батора и характеризуется появлением кустарников, бурых почв и исчезновением степных животных — полевок и тарбаганов*.

В монгольском языке слово «гоби» — нарицательное, обозначающее полупустынные степи с солончаковой растительностью. Неверно отождествлять гоби с пустыней, так как лишь небольшие участки гоби покрыты песками и вовсе не похожи ни на казахстанские степи, ни на Каракумы, а тем более на Сахару. Гоби — не безжизненная пустыня, а травянистая степь, пересекаемая холмами, лощинами и увалами. Восточные же гоби с аллеями хайлясов (вид дерева) называют даже гобийскими саваннами. За исключением Заалтайской Гоби эта территория пригодна для пастбищ. Гобийское мясо благодаря особым качествам местного разнотравья по праву считается вкуснейшим в Монголии. В этой зоне можно встретить таких редких животных, как дикий двугорбый верблюд, дикий осел — кулан, дикая лошадь — тахь, широко известная под именем лошади Н. М. Пржевальского. В пустынных горах Заалтайской Гоби до сих пор живет редчайший представитель мира млекопитающих — гобийский медведь — мазалай. Но главное — это то, что и сейчас по бескрайним просторам гоби бродят бесчисленные стада диких животных — антилоп, козлов, баранов, куланов.

* См. словарь монгольских и тибетских слов в конце книги.

Вплоть до настоящего времени, хотя и не так, как в древности, охота занимает большое место в хозяйстве страны. Исследуя все имеющиеся данные, можно наметить социально-экономическую эволюцию племен, населявших древнюю Монголию, проследив, как на смену первобытному охотничьему хозяйству пришло примитивное оседлое земледелие, первоначально мало чем отличавшееся от собирательства. А наряду с охотой и собирательством уже с древних времен начало складываться животноводство.

Действительно, в стране, изобилующей дикими травоядными животными, альпийскими лугами и бескрайними пастбищами, приручение и одомашнивание их закономерно. Идея domestikации в таких странах могла и возникнуть и реализоваться раньше, чем в иных экологических условиях.

Методы и способы ведения скотоводческого хозяйства оказались настолько естественными и логичными, что в течение многих веков не претерпевали существенных изменений.

Скотоводство в Монголии с самых ранних этапов своего существования было кочевым. Этот способ ведения хозяйства также должен рассматриваться с точки зрения экологических особенностей страны, где животноводство неминуемо должно было основываться на круглогодичном использовании естественных пастбищ. Рациональность кочевого типа хозяйства сохраняет степи от широких пастбищных депрессий, ибо скот не остается слишком долго на одном месте. К тому же обширные пространства обеспечивают большое число пастбищ, приходящихся на одну голову скота. В соответствии с временем года и состоянием пастбищ, благодаря климатической неоднородности страны номады (скотоводы) кочевали вместе со всем скотом и имуществом, повторяя строго установленные маршруты, меняя место стоянок до четырех раз в год.

Монголия — одна из немногих стран мира, сохранившая во всей полноте полукочевое скотоводство.

Даже сейчас кочевник Центральной Азии зависит от суровых природных условий, а первые скотоводы на территории Монголии тем более страдали от погоды, засухи, ветров, гололеда, вызывавшего падеж скота. Эта зависимость наложила отпечаток на культы и религии, мифы и заклинания, нашла свое отражение в таких па-

мятников древнего искусства, как петроглифы* и каменные изваяния.

Своеобразие и традиционность хозяйства и культуры отразились и насковзь пропитали яркое искусство древних кочевников. И хотя скотоводы жили в постоянном контакте с соседними охотничьими и земледельческими племенами, искусство степных народов сохранило в течение не одного тысячелетия свои характерные черты, не утратив их до наших дней.

Далее, говоря о древнейшей монгольской архитектуре, надо помнить, что удивительно своеобразный живописный характер центральноазиатского ландшафта неизменно вызывал у наблюдателя сильный эмоциональный отклик. Уже несколько тысяч лет назад житель монгольских высокогорий вступил в гармонический контакт с природой, построив и свою жизнь, и все сооружения (жертвенники и могильники, гигантские керексуры, или каменные изваяния) в такой органической связи с горами и степью, что они стали неотъемлемой частью пейзажа.

Насколько интересны фрески Тассилин-Аджер в Африке, впечатляющи скульптуры острова Пасхи, удивителен храм в Стоунхендже в Англии и могущественны вишапы, дольмены и кромлехи (каменные монументы бронзового века) Кавказа, настолько же колоритны и органичны оленные камни и каменные изваяния Монголии и выбитые в горах Монгольского Алтая и Хангая каменные летописи отдаленной старины, насчитывающие порою не одно тысячелетие.

Но Монголия не только и не столько страна древней цивилизации. Потрясают огромные социальные сдвиги, создание прогрессивной социальной системы, новые отношения людей, а также появляющиеся в степи и в горах города и госхозы.

Одним из таких современных чудес страны можно назвать выросший на глазах одного поколения новый город Эрдэнэт — символ будущей Монголии, а также символ дружбы многих народов. Исследователи открыли здесь богатейшие залежи полезных ископаемых на горе Эрдэнэтий-Обо — Жертвенник драгоценностей. Строители создали комбинат среди гор, где рабочие добывают и очищают первые партии ценной руды.

* Петроглифы — рисунки, выбитые и нарисованные на скалах.

Сегодня Эрдэнэт — город новой промышленности, современной архитектуры, где плодотворно работают монголы, русские, чехи, венгры, немцы, болгары, город истинной дружбы всех стран СЭВа.

Но начинается Монголия с города более древнего, более живописного и многокрасочного, и куда бы вы ни держали путь в этой стране, вы начнете его и кончите непременно в Улан-Баторе — городе Красного Богатыря. Возникший вокруг монастыря, город назывался Урга и был местом провозглашения в 1921 г. победы народной революции. А в 1924 г., когда на Первом Великом народном хурале Монголия была объявлена республикой с ее первой конституцией, столицу государства переименовали в Улан-Батор. Неузнаваемо изменилось лицо столицы, оно как бы молодело с каждым десятилетием. Сегодня о прошлом напоминают такие величественные архитектурные ансамбли, как Гандан, расположенный высоко над городом и сохранивший древнюю планировку, действующие храмы и духовную Академию, как зимняя резиденция богдогэгэна, а в настоящее время национальный музей, так же как Чойжин-ламын-сум. Реальная активная жизнь начинается за стенами монастырей. Сразу же за Ганданом высится телевизионная башня, а рядом с Чойжин-ламын-сумом находятся здания Президиума Академии наук МНР, основанной в 1961 г., знаменитой своими уникальными рукописями и книгами публичной библиотеки, выставочного зала, картинной галереи и т. д. Создание Академии наук было большим событием в жизни страны.

Руководители монгольской партии и правительства, основатели Академии наук МНР уделяли особое внимание правильному выбору направлений науки на основе глубокого изучения опыта передовой советской науки и достижений других братских стран, с учетом потребностей развития народного хозяйства, решения актуальных проблем.

Чтобы рассказать коротко о двадцатилетней монгольской Академии наук, мало пройти по ее институтам и лабораториям, мало поговорить с самыми активными представителями новой науки, нужно подняться на Богдо-ул, где воздвигнута уникальная высокогорная обсерватория с прекрасным оборудованием, и вместе с учеными — участниками совместных советско-монгольских экспедиций побывать в разных концах страны.

Большие исследования ведутся по изучению солнечной поверхности, организован национальный центр по исследованию космоса, координирующий наблюдения за искусственными спутниками Земли, запущенными по программе «Интеркосмос». В организации запусков искусственных спутников Земли принимает участие и МНР (20 марта 1981 г. МНР приняла участие в международном космическом полете «Союз-39»). И это в стране, где 50 лет назад большая часть населения не умела писать и читать, ныне работают десятки институтов, вычислительный центр. В стране, где религия запрещала взрыхлять землю, сегодня монгольские ученые создали институты геологии, палеонтологии, растениеводства и земледелия.

Далеко от столицы расположен Институт растениеводства и земледелия, окруженный опытными полями. Там решаются проблемы роста урожайности зерновых культур в МНР: уже выращен новый сорт пшеницы — «орхон», единственный не погибший во время засушливых сезонов 1961 и 1969 гг. На государственные испытания переданы одиннадцать новых сортов пшеницы, два сорта ячменя и два — овса. Отдел семеноводства не только выращивает лучшие сорта для определенных районов, но и снабжает ими семеноводческие госхозы. На базе академических исследований создаются такие плодоягодные комбинаты, каким является улангомский, где изготавливается драгоценное лекарство — облепиховое масло.

Успех селекционеров зависит от применения достижений современной генетической науки. Сектор генетики при Институте биологии (созданный в 1969 г.) наряду с широкими проблемными исследованиями решает и конкретные практические задачи, учитывая законы наследственности, сохраняя наиболее полезные качества животных и растений.

Одной из интереснейших в Академии наук является лаборатория доктора Ц. Хайдова, работающего над химико-биологическими свойствами лекарственных растений. Под его руководством переводятся с тибетского языка и тщательно изучаются древние медицинские книги, где преобладают описания средств, состава и доз лекарств растительного и минерального происхождения. Очень интересно и важно, что доктор Хайдов и его коллеги собрали более тысячи трав и определили их точное

название в тибетских книгах, идентифицировали их с монгольскими наименованиями, для чего пришлось искать стариков, знающих и помнящих эти растения. Следующим этапом было определение соответствия этих названий в русском гербарии и в латыни. Таким образом был вновь открыт адонис монгольский, известный в тибетских сутрах под названием «барбада» и издавна применяемый при сердечно-сосудистых заболеваниях. Второе рождение пережила камнеломка болотная, вновь открытая для лечения болезней печени и желчевыводящих путей. Не менее интересны сведения, почерпнутые монгольскими учеными из тех же книг, о лечении с помощью толченых драгоценных и полудрагоценных камней, например бирюзы, нефрита, полевого шпата. Из древних книг по медицине выяснилось, что широко применяемое в настоящее время мумиё было известно в Монголии и раньше. Благодаря новым переводам тибетских сутр стали известны секреты лечения склероза и сердечно-сосудистых заболеваний.

Трудами участников биологической экспедиции созданы новые почвенные карты МНР, карты растительного покрова, минеральных источников, исследованы качество и состав воды в водоемах, новые сорта зерновых, выращенных монгольскими учеными в Зуун-харе.

Археолога Н. Сэр-Оджава я встретила в археологической лаборатории Института истории. Н. Сэр-Оджав пришел в дорожном костюме, загорелый и радостный, рассказывает о раскопках интересного могильника с массой находок, уникальными украшениями, выполненными в скифском «зверином стиле», зеркалами, кинжалами и великолепными сосудами.

— Это хорошо, — говорит Нацаг-дорж, — поздравляю вас, но нам пора подумать о лабораторной обработке всех ваших находок, о применении новых методов датирования. До каких пор мы будем определять возраст культур с точностью плюс — минус полтысячелетия? Нам нужна новая лаборатория, оборудованная по последнему слову техники. Собирайтесь в дальнюю дорогу, поедете в Венгрию, в Германскую Демократическую Республику, в Польшу закупать новые приборы. — И, весело улыбаясь, добавляет: — Ну, сколько тебе нужно веков или месяцев, чтобы сменить экспедиционный наряд на парадный костюм? У нас совсем нет времени на сборы, научная жизнь не течет, а бежит семимильны-

ми шагами. Нельзя отставать от своей эпохи даже на один шаг! И монгольская наука не отстает от своей эпохи.

Об этом красноречиво говорил американский востоковед О. Латтимор на международной конференции «Роль кочевых народов в цивилизации Центральной Азии». Он отметил большие успехи монгольской науки, вклад современных историков и археологов страны.

Об открытиях ученых гуманитарных наук, и прежде всего археологов, еще пойдет речь дальше, по ходу наших многочисленных поездок по стране. Но прежде чем уехать из столицы, все гости заходят в Центральный краеведческий музей, в Музей антирелигиозный, во дворец Ундир-гэгэна.

И все-таки, чтобы получше узнать страну, нужно покинуть Улан-Батор. Вы вдохнете запах высокогорных лугов, увидите широкие горизонты, вкусите монгольского гостеприимства за маленьким столиком войлочной юрты. Итак, в путь!

МНОГОЦВЕТНАЯ
МОНГОЛИЯ

«Сайн байна уу!» — первые слова, которые вы услышите на монгольской земле. Здесь радостно приветствуют всех, знакомых и незнакомых. В многообразных приветствиях звучит жизнь народа.

«Хорошо ли встречаете весну?» — спрашивают скотоводы друг друга. «Благополучно ли зимуете?» А при встрече каравана верблюдов обычно говорят: «Хорошо ли кочуете?» или «Хорошо ли уравновешены ваши вьюки?»

Пастуху желают удачно пасти скот, доярке — хорошего удоя, столяру — чтобы не тупился инструмент, а охотнику — чтоб был острым глаз.

Войдя в юрту, следует сказать несколько добрых слов обитателям в зависимости от того, чем они заняты. Читающему говорят: «Да будет острым твое зрение!», шьющему: «Да будет успешной твоя работа!» Если женщина расчесывает косы: «Как хороши твои волосы!»

Так в бесхитростных повседневных словах традиционных старинных приветствий отражается складывавшийся в течение многих веков дух гостеприимства и доброжелательства к каждому встречному в степи или зашедшему на свет очага в юрте. В монгольской степи можно встретить незнакомого человека, но нельзя встретить чужого. И это характерно для всех монголов — халхов, дербетов, узумчинов, баят и других, хотя каждый из монгольских народов вставляет в эти приветствия свои добрые слова со своими интонациями и благопожеланиями.

Когда-то один монгольский историк посоветовал мне, знакомясь с монголами, всегда спрашивать у них, какого они рода-племени.

Мне пришлось много поездить по Монголии с археологическими экспедициями. Я старалась всегда следовать этим советам, и мой интерес был неизменно приятен монголам. Ведь Монгольскую Народную Республику населяют примерно 15 народностей, говорящих на диалектах монгольского и тюркского языков.

Самая большая среди народностей Монголии — халха. Их больше восьмисот тысяч, халха-монгольский диалект лег в основу литературного языка. А самая маленькая народность — всего двести человек — цатаны.

Буквально на наших глазах в Монголии происходит сложный историко-социальный процесс становления единой монгольской социалистической нации. Процесс начался более пятидесяти лет назад — после победы народной революции. Полвека изменили лицо Монголии: распаханы целинные земли, выросли новые города, а трубы заводов и электростанций поднялись к небу в местах, куда раньше редко заходили даже кочевники.

А рядом — древние традиции и обычаи; в городах, в поселках и даже в скотоводческих бригадах создаются краеведческие музеи, в которых собираются национальные костюмы, произведения народного искусства, маски лам и никому не страшные уже изображения духов. И каждая народность представлена в таком музее, потому что в Монголии стремятся сохранить своеобразие каждого уголка страны.

И это закономерно. «Чем жив человек? Тем, что оставил на земле его отец, тем, что делает он сам, и тем, что совершат его дети» — говорит монгольская пословица. Каждая из монгольских народностей вносит в общую

национальную культуру все, что «оставили на земле отцы», все, что сохранилось в памяти ее поколений.

Но не только это. В общенациональную культуру входит и то новое, что создается ныне. На севере страны, в Хубсугульском аймаке я видела уникальный этнографический музей. То был музей быта цатанов — таежных охотников и оленеводов. Совсем недавно они жили в чумах, одевались в оленьи шкуры, ходили на подбитых мехом лыжах на зверя, вооруженные кремневыми ружьями. Сейчас они перешли к оседлости, а из предметов их прошлого обихода создан музей. Незадолго до нашего приезда последний цатанский шаман подарил свой бубен этнографам.

В Манханском сомоне мы были гостями цзахчинов. Скотоводы-цзахчины при народной власти освоили и землю. Традиционные «пять видов домашних животных»: баран, корова, козел, верблюд, лошадь — богатство цзахчинов. А также птица. А теперь также огороды, поля, бахчи. Арбузы и дыни выращивают здесь люди, которые прежде вели кочевой образ жизни и боялись потревожить поверхность земли.

В Дархане я встречала инженеров и рабочих, в Улан-Баторе — ученых, писателей и художников. Среди них были люди из разных уголков Монголии, разных городов и разных племен.

В моем экспедиционном блокноте появлялись записи, посвященные обычаям разных народностей, которые мне приходилось наблюдать, тем людям, с которыми я встречалась. Вот некоторые из этих записей.

БАРГУТЫ.
ОХОТА НА ТАРБАГАНА

— Пусть будет острым твой глаз! — каждый вечер говорили мы нашему другу Отгону, когда он верхом подъезжал к нашей палатке.

Мы вели тогда раскопки древних курганов в стороне от больших дорог в степи Восточного аймака. Здесь живет народность барга, баргуты (помните, баргузин, бай-

кальский ветер? Это — от имени баргут). Баргуты славились в Монголии как неутомимые охотники. И Отгон тоже охотник, завзятый охотник.

Каждый вечер он приезжает к нам поинтересоваться, что нового нашли, узнать, как дела, просто поговорить. И каждый вечер приглашает нас поехать с ним на охоту. Ведь сейчас самый охотничий сезон. В этой безводной степи масса сурков-тарбаганов. К концу лета перед зимней спячкой тарбаганы жиреют, да и шкурка у них в эту пору особенно ценна.

— Хотите увидеть «охоту с подходом»? — спрашивает Отгон.

Мы много слышали о такой охоте, но видеть ее никому не доводилось.

Ранним утром, еще до восхода солнца, появляется Отгон верхом на коне. На нем необычный наряд: белая рубашка, белые штаны, а на голове шапочка, на которую нашиты ушки из белой шкурки. В руке опахало из хвоста лошади или яка. Верхом на конях уезжаем мы подальше в степь, туда, где множество тарбаганных нор. Оставив в стороне лошадь, Отгон медленно подходит к норе. Он часто подпрыгивает и помахивает опахалом. Ушки на шапке бодтаются во все стороны. Глядя на него, я вспомнила рисунки, выбитые тысячелетия назад на скалах. На них изображены охотничьи танцы людей в звериных шкурах, в масках и в таких же шапках с ушками!

Тарбаган сидит как зачарованный, следит за странным танцем. И вдруг начинает сердито подпрыгивать, будто сам включается в танец. Тут-то и раздается выстрел. Отгон стреляет в голову, иначе сурок метнется в норку и уйдет так глубоко, что его не достать.

К концу дня у седла Отгона болталось три тарбаганных тушки, а костюм из белого стал сероватым. Не снимая его, все в той же шапке, Отгон священнодействует у костра. Сегодня наш прощальный вечер, и он хочет угостить нас лакомым блюдом.

Разведя костер, Отгон ушел за палатку к курганам, набрал там камней и кинул их в огонь. Когда камни раскалились, Отгон затолкал их в тушку. Затем аккуратно почистил шкурку и повертел тушку над костром, поворачивая ее непрерывно, чтобы она ровно прожарилась. Тарбаган раздувался как футбольный мяч. Это блюдо называется «бодог». Шкуры только двух животных —

козы и тарбагана — выдерживают эту операцию и не лопаются от огня.

Было уже темно, когда мы приступили к трапезе. Запивали холодной водой, как это принято у баргутов. Завтра мы снова погрузим в машину свой дорожный реквизит, чтобы ехать на запад. Отгон молча сидит у костра. Что можно сказать другу, с которым расстаешься надолго, а может быть, навсегда. «Баяртай!» — до свидания и «баяр лаа!» — спасибо.

МИНГАТЫ.
ЧЕТЫРЕ ЦВЕТА МИРА

— Удвоились ли ваши стада? — приветствуют друг друга скотоводы-мингаты. Мингатов три тысячи человек. Они живут по берегам реки Кобдо в Мингат-сомоне, на северо-западе страны. Следуя ритуалу, мы тоже произнесли эту фразу, а поскольку приближалась осень, спросили: удачно ли провели лето?

— Сайн байна уу (привет вам)! — отозвались хозяева юрты.

В юрте, как правило, нет ничего лишнего. Она отличается особой простотой и мобильностью для перекочевков.

Монгольская юрта — порождение многовековой практики кочевников: легка в переноске, быстро разбирается и собирается, зимой в ней тепло, а летом — прохладно.

Вес средней юрты равен примерно 300 кг. Деревянные части составляют треть всего веса и служат примерно 10—15 лет, войлочные кошмы — 3—4 года.

С древнейших времен юрта степняка была разборной. Она собиралась из деревянных решеток и покрывалась несколькими кусками войлока. Наиболее древние изображения монгольского жилища выбиты на скалах и в настоящее время известны в нескольких аймаках. Среди петроглифов Гобиалтайского аймака в Цаган-голе (ущелье в отрогах Монгольского Алтая) нами отмечено несколько выбитых рисунков юртообразных жилищ. На них даже показана извилистая струйка дыма.

Каркас юрты составляют раздвижные решетчатые

вертикальные стенки — ханы. От числа ханов и зависит размер юрты. В самой маленькой четырехханной юрте большая семья помещается с трудом. Наиболее устойчивы, удобны, а потому более распространены шестиханные и восьмиханные юрты.

При установке юрты ханы скрепляют друг с другом сыромятными ремешками. При этом оставляется проем для входа, который всегда обращен на юг. Этот древний обычай отличает монгольские юрты от тюркских, которые чаще всего направлены на восток.

Монгольская старинная юрта имела войлочную дверь в отличие от современной деревянной двери, богато расписанной орнаментами и открывающейся наружу. Древняя войлочная дверь, о которой пишет монах Иакинф Бичурин в своих записках о Монголии, представляла собой обшитый, простеганный шерстяными нитками войлок. Верхние концы такой двери были привязаны к крыше, и открывалась она простым отбрасыванием войлока наверх.

После того как установлен каркас, сооружается остов крыши: к ханам, к тем местам, где перекрещиваются косые жерди решеток, привязывают длинные деревянные шесты. Другой конец шеста закрепляется в отверстии дымового круга — тооно. Для устойчивости его иногда ставят на две вертикальные подпорки.

Когда остов готов, его покрывают войлоком, закрепив его сначала на деревянных решетчатых стенках — ханах, затем, туго обтянув юрту белой тканью и закрепив шерстяной веревкой. Дымовое кольцо закрывается специальным войлоком, три угла которого накрепко прикреплены к юрте, а четвертый свободен. К нему привязана длинная веревка, с ее помощью закрывается и открывается дымовое отверстие. Проблема освещения и проветривания такого монгольского дома решена просто и рационально. Круглое отверстие пропускает свет сверху, освещая центральную часть юрты — столик и очаг — и оставляя в тени хозяйственную кухонную часть и кровати, где, как правило, почти всегда в правой женской части можно видеть за задернутым пологом грудных младенцев. Другой поток света попадает в юрту через открытую дверь. Летом в жаркие часы можно открыть низ юрты, подняв войлок и ткань.

В мингатской юрте, в которую мы вошли, милостивая молодая хозяйка суежилась у очага. Она подобрала

в очаг аргала — сухого навоза, и вскоре в широком тазу забулькала вода. Из сундучка хозяйка достала плитку чая, а когда чай закипел, добавила еще рису. За рисом последовало топленое масло, за ним — соль и молоко. Монголы славятся как любители и знатоки чая и вкладывают в его приготовление много искусства.

Какого только чая не довелось нам пить в Монголии! С солью и без соли, с мукой, с пшеном, с рисом, с топленным маслом, но всегда — с молоком. Конечно, это не совсем то, что называем чаем мы, к монгольскому чаю надо привыкнуть, но он не только утоляет жажду, но и насыщает.

В край маленького народа — мингатов мы приехали из-за старинных костюмов: хотелось зарисовать их и описать орнаменты, а у мингатов старинные костюмы особенно хорошо сохранились и по праздникам они их еще надевают. Но сразу перейти к делу нельзя, это было бы невежливо. Сначала надо попить и поесть, надо рассказать хозяевам о себе: в степи любят разговорчивых гостей, которые поведают о том, что они видели по пути, в других кочевьях, и о своих занятиях. И все это с подробностями, с многочисленными отступлениями. Исполдовль подходим мы к нужной теме, не забыв сделать комплименты мингатской одежде. Наконец, хозяйка открывает сундук, достает оттуда сверток и выбегает из юрты. Возвращается она уже одетая в старинный халат — дэл.

Дэл и вправду хорош. Темно-синий, с высокими плечами и огромными обшлагами на рукавах, он отделан по подолу и запаху широким кантом ярко-желтого цвета. Хозяйка говорит что-то по-монгольски мужу, и тот, смеясь, надевает почти такой же дэл. Только плечи у его дэла не такие высокие, а по талии он перехвачен широким кушаком — бусом. Замужним женщинам пояс не положен. Недаром мужчин в Монголии раньше называли «бустэй» — носящие пояс, а женщин «бусгуй» — беспоясные.

Покрой современных мужских и женских дэлов одинаков. У женщин дэлы более пестрые, хотя и мужчины любят яркие цвета. Их подсказывают и яркая, без полутонов монгольская природа, и овечьи древними традициями привычки.

Отношение к цвету у монголов — символическое. Еще в средневековой летописи «Сокровенном сказании» каждому упоминаемому там народу дан свой цвет: си-

ний — монголам, белый — корейцам, желтый — сартулам, красный — тибетцам.

Синий цвет — символ неба, вечности, верности. Древнее самоназвание монголов — «хох монгол» — «синие монголы», и на старинном монгольском флаге был изображен белый конь на синем фоне. Желтый цвет соответствует любви, черный — несчастью, измене, бедствию. Белый — цвет молока и кумыса, а потому и благополучия, чистоты.

Сквозь много веков пронесли монголы почтительное отношение к белому цвету* — цвету богатства, изобилия, молока, кумыса и чистоты. Провожая странников в дальнюю дорогу, монгольские женщины и до сих пор окропляют дорогу кумысом, желая путнику благополучного пути и счастливого возвращения.

Это отношение нашло свое отражение и в старинном празднике кумыса, и в названии самого большого праздника — цагаан сара — белого месяца. Цагаан сар — новогодний праздник, который отмечался издревле монголами в начале февраля.

Еще Марко Поло, описывая цагаан сар, рассказывал, что обычно в этот день и мужчины и женщины надевали белую одежду, чтобы будущий год был счастливым и благополучным. Все дарили друг другу подарки белого цвета, веселились и пировали. Из наблюдений Марко Поло мы узнаем также и о том, что в XIII в. монголы пользовались календарем, основанным на двенадцатилетнем животном цикле. Путешественник отмечает, что год рождения ребенка монголы записывают по именам животных и что это для них очень важно. Двенадцатилетний животный цикл монголы переняли, наверное, у уйгуров и применяли его в повседневной жизни, в то время как в книгах и документах применялся 60-летний цикл, пришедший в Монголию несколько позднее: первая надпись, датируемая этим циклом, относится к 1346 г.

О происхождении животного цикла у монголов, как и у соседних народов, существует немало легенд. Одну из них рассказывает известный русский путешественник Г. Н. Потанин, объясняя, почему животный цикл монголов начинается с мыши и по какой причине в него не попал верблюд.

* В этом монголы резко отличаются от своих южных соседей — китайцев, у которых белый цвет считается цветом печали и траура.

Звери решили, что первый год будет назван по имени того, кто первым увидит утром солнце. Мышь забралась на голову верблюда и таким обманным путем победила. В то же время монголы наделяют верблюда всеми качествами животных из этого цикла: он имеет уши мышьи, глаза змеиные, губы заячьи, грудь тигриную, зад обезьяний, шею драконью, коровьи копыта, свиной хвост, собачьи бедра, куриный хохолок и гриву лошади.

Итак, уже с XIII в. монголы вели счет годам по животному циклу. Им был известен год рождения ребенка, но в редких случаях они помнили день. Потому-то в старые времена цагаан сар считался не только новогодним праздником, но еще и всеобщим днем рождения. Именно от этого дня монгольские араты вели счет своих лет, а потому в старину в день нового года — цагаан сара — отмечали и свои юбилейные даты, и особенно старики, дожившие до 70- и 85-летия.

Лет двадцать назад автору довелось побывать на цагаан саре. Церемония праздничного приветствия начиналась с раннего утра, с восходом солнца. Первым открывает ее самый младший член семьи, обращаясь к старшему с поздравлениями, а за ним тянутся остальные родственники. И весь день родные и друзья поздравляют близких, произносят благопожелания. Самому уважаемому и старейшему при этом преподносят хадак — отрез узкого тончайшего дорогого шелка, который дарят, поднося на двух вытянутых руках, ладонями вверх, как знак особого почтения. Обычай подношения хадака сохранился в Монголии до настоящего времени.

Так, сидя вокруг очага тихим осенним вечером, когда никуда не нужно торопиться, мы вспоминаем с хозяевами о старинных обычаях. Старики охотно предаются воспоминаниям, молодые неспешно размышляют о завтрашнем дне. Во всех аймаках и во всех сомонах завтра начинается новый учебный год, а значит, все дети школьного возраста, кто на коне, кто на мотоцикле, отправятся в школы-интернаты порою за сотни километров от их родного кочевья.

Мы были рады отплатить хозяевам небольшой услугой за их щедрое гостеприимство. Десятилетний сынишка собирается в школу. А мы как раз едем в сомонный центр, так что прихватим его с собой. Он очень скромный и серьезный. Этот маленький скотовод с интересом слушает наш разговор, но сам не вмешивается в него.

Наш монгольский язык, увы, далек от совершенства, тем не менее мальчик нас прекрасно понимает. В школе он пока занимается на мингатском диалекте, но уже хорошо владеет и халха-монгольским языком.

Вообще, в младших классах сомона занятия ведутся на местных диалектах, пока ребяташки не овладеют литературным — халха-монгольским языком. Помню, среди моих студентов в университете в Улан-Баторе были и халха, и дариганти, и буряты, и мингаты. Все они отлично знали халха-монгольский, но при этом прекрасно знали и родные наречия. Это бережное отношение к диалектам и наречиям всегда поражало студентов из принадлежащей Китаю Внутренней Монголии — там преподавание в монгольских школах и институтах давно уже ведется только по-китайски.

...Утром принаряженный парнишка с переметными сумками и портфелем в руках сел с нами в машину. Его мать окропила след нашего «газика» кумысом — на счастье. Так выражают монголы пожелание счастливого пути...

ДЭРБЭТЫ.
ОТРЕЗАНИЕ ВОЛОС

«Пусть вырастут твои волосы густыми и длинными!» — так говорят только в одном случае: на празднике отрезания волос. Этот праздник существует в Монголии с давних времен. Ребенку впервые стригут волосы, когда ему исполняется три года или пять лет. В прежние времена была очень велика детская смертность, особенно в первые годы жизни ребенка. И если уж ребенок доживал до трех — пяти лет, можно было надеяться, что он останется жить. До этого возраста волосы не трогали, чтобы не привлекать излишнего внимания злых духов. Зато после отрезания волос считалось, что человек как бы заново родился. Потому-то отрезание волос всегда было большим торжеством. Сейчас, когда детская смертность сведена в стране до минимума, этот праздник сохранился как дань традиции. Мы попали на него совершенно

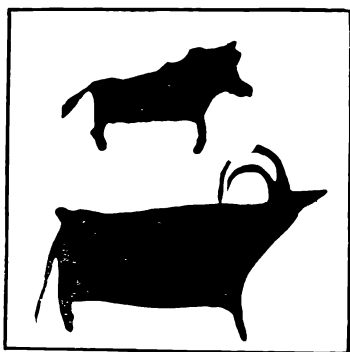
случайно, когда наша машина застряла на горной дороге в краю, населенном дэрбэтами.

Там в одном кочевье мы и увидели праздник отрезания волос. Праздник был в полном разгаре. Сама церемония отрезания волос началась еще утром. Первыми в дом, где должно было состояться торжество, пришли старшие родственники и наиболее почетные гости. Специально приехал из сомонного центра председатель скотоводческого объединения. В течение дня приходили соседи и друзья, поздравляли, приносили подарки.

Мы вошли в мягкий полумрак юрты, подсвеченный огоньком очага. После мороза приятно пахло теплом, запахом мяса и кумысом. В больших тазах гигантскими башнями возвышалось угощение. Одна башня была сооружена из домашнего печенья. На центральном столике стоял таз, полный больших кусков мяса. Хозяйева неутомимо наливали в пиалы чай и кумыс. На сундучках по краю юрты стояли деревянные блюда со сладостями и деликатесами: сухими сливками — урюмом, сушеным творогом, сыром...

Нас встретили как долгожданных гостей, хотя видели впервые. Усадили на почетные места — в центре юрты, у самого столика. Сначала угостили кумысом, теплой молочной водкой, затем чаем. Потом подвели к нам виновницу торжества. На девчушке надет нарядный передник со специальным большим карманом для подарков. Маленькая Дарима смущалась странно одетых людей, увешанных фотоаппаратами и говорящих на непонятном языке. Мы срезали по пряди ее черных как смоль волос и подарили малышке что что мог: кто брошку, кто книжку, кто игрушку. Она тут же выбежала из юрты показать подружкам московские подарки.

Мы же присоединили к хору поздравлений свои благопожелания: «Пусть сбудутся все добрые напутствия тебе, Дарима! Пусть, когда вырастут у тебя длинные косы, исполнятся все твои мечты!»

ПЕЩЕРНЫЕ РИСУНКИ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКОГО ЧЕЛОВЕКА

В своем путешествии по Западной Монголии мы встречали немало интересных людей, страстно увлеченных своим делом. Среди них директор Кобдоского краеведческого музея — Далхажав. Наука обязана ему открытием многих уникальных памятников древности. Дело в том, что этот истинный энтузиаст краеведческого дела, желая спасти от гибели памятники старины, развернул большую работу среди монгольских скотоводов. Ему принадлежит инициатива организации выездных выставок Кобдоского музея. Скотоводам не просто показывали наиболее интересные экспонаты, но объясняли их ценность и необходимость собирать и охранять от разрушения. Араты сообщали об уникальных находках, о наскальных изображениях, иногда расположенных высоко в горах. Так стало известно, например, об открытии рисунков в пещере Хойт-Цэнхэрийн-Агуй — в Пещере Голубой реки.

Около тридцати лет назад араты Манхан сомона Кобдоского аймака забрели в высокую просторную пещеру, вход в которую был хорошо виден даже от подножия горы. Пол пещеры был покрыт толстым слоем голубиного помета. Один из скотоводов пробрался вглубь и вдруг увидел на стене изображение таких диких животных, которых никогда не встречал ранее.

Скотоводы сообщили о своем открытии в сомонный центр. Монгольский ученый и краевед О. Намнандорж, побывавший летом 1952 г. в тех местах, обследовал пещеру, сделал геологическое описание и схематические копии рисунков. О. Намнандоржу принадлежит и первая публикация этих рисунков, переизданная затем чешским востоковедом П. Поуха в его популярной книге

«Тринадцать тысяч километров по Монголии». Спусти 14 лет, летом 1966 г., в пещере побывали участники советско-монгольской экспедиции и датировали рисунки началом верхнего палеолита. Последнее посещение пещеры было предпринято в 1969 г. В. В. Волковым и автором.

Если ехать к югу от города Кобдо, то, миновав центр Манхан сомона, через 12 километров вы попадаете в долину, окруженную высокими горами, с которых и течет река Хойт-Цэнхэр. Русла высохших рек перекрыты валунами. Склоны гор каменисты, покрыты слабой растительностью: лишь изредка встречаются кусты золотого карагана и белого бургаса.

Пещера с рисунками расположена в самой глубине долины на левом берегу реки, намного выше уровня третьей надпойменной террасы. Огромное черное отверстие входа виднеется на высоте около 60 метров от подножия скалы, называемой Гантик, что означает по-монгольски «Мраморная». Скала сложена из розового и белого мраморовидного известняка. Аркообразный вход в пещеру обращен на северо-восток, высота его 6—7 метров. Пещера эта карстового происхождения. Выглядит она очень живописно. Гигантский зал размером примерно 30 на 50 метров украшают вертикальные пласты розового камня. Огромные глыбы, размытые потоками, преграждают путь. Западная часть пещеры круто уходит вниз, восточная же почти не пострадала от обвалов и сохраняет свой древний вид. Пол покрыт толстым слоем сухого голубиного помета — гуано, в котором нога утопает по колено.

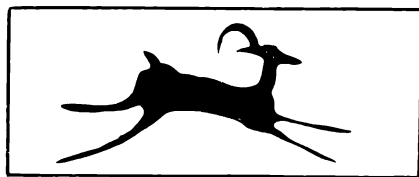
Грандиозность впечатления усиливают ниши, находящиеся в восточной части пещеры и напоминающие театральные ложи. Пробраться к этим нишам можно лишь карабкаясь по большим круглым камням, как по огромным ступенькам. Здесь царит полумрак, только слабый отраженный свет заходящего солнца ненадолго освещает их стены, и тогда можно заметить удивительные рисунки, ибо именно в этих нишах они и обнаружены.

Первая ниша расположена ближе остальных к входу. Она выше дна пещеры на 2—3 метра. Глубина ниши менее 1,5 метра, высота — менее 1 метра. Рисунок выполнен на потолке красной и коричневой охрой разных оттенков. Древний художник наносил его лежа на спине, и лишь в отдельных местах он мог стоять. Рисунки

представляют собой переплетение фигур животных и символических знаков, среди которых преобладают рога, стрелы, бумеранги и змееобразные фигуры. К более светлым изображениям относятся изображения антилопы и барана. А рядом светлой и темной краской нарисованы рога.

Во второй более просторной нише, расположенной рядом с первой, обнаружены самые интересные и выразительные рисунки. Они покрывают отдельными группами стены и потолок.

Рисунки и здесь выполнены разными тонами охры: от светлой до темно-коричневой. Ровный цвет краски хорошо виден на фоне розовато-желтого известняка.

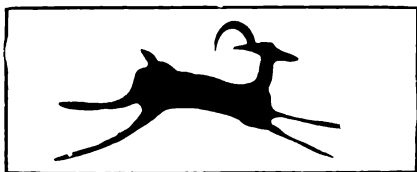

ИЗОБРАЖЕНИЕ
МАМОНТОВ
В МОНГОЛЬСКОЙ
ПЕЩЕРЕ

Наибольшую трудность для датировки представляют изображения мамонта, страусов и верблюда.

По мнению палеонтологов, один рисунок может быть признан за изображение мамонта; второй, принятый когда-то за слона или слоненка, вызывает большие сомнения. Мамонт имеет длинный хобот и круто загнутые вверх бивни, но он лишен характерных шишек на спине и голове, которые неизменно присутствовали на рисунках древних художников. Таковы мамонты из Фон де Гома, из Комбарелля (из Франции), из Каповой пещеры, на гравировках из Ля Мадлена, с Мальты и Индигирки на севере Сибири. Кроме того, как уже отмечалось, монгольский мамонт нарисован без шерсти, что также не характерно для этого животного. Правда, можно допустить, что отвислый живот на рисунке передает обилие шерсти. Сам по себе факт существования мамонта в Монголии одновременно с верхнепалеолитическим человеком не вызывает серьезных возражений, хотя, по словам палеонтологов, в эту эпоху в Монголии было гораздо меньше мамонтов, чем в более северных широтах — в Сибири. Остатки костяков мамонтов найдены в отложениях Северной Монголии, на Орхоне и даже в самом Улан-Батаре.

Как бы то ни было, мамонт из Хойт-Цэнхэрийн-Агуй должен быть датирован временем верхнего палеолита, во всяком случае не моложе 15 тысяч лет назад.

СТРАУС МОНГОЛИИ

Второе давно вымершее в Центральной Азии животное, изображение которого позволяет строить гипотезу о времени пещерных рисунков Монгольского Алтая, — это страус. Как ни парадоксально соседство мамонта и страуса среди изображений в пещере, надо заметить, что один рисунок страуса тесно переплетен с линиями перекрывающих его контуров и ничем не отличается от остальных ни по цвету, ни по стилю.

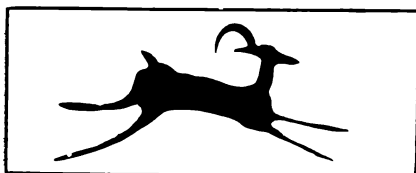
Известно, что в третичном и начале четвертичного периода страус обитал в Забайкалье и Монголии, о чем можно судить по находкам скорлупы его яиц в непотревоженных слоях.

Украшения из скорлупы страусовых яиц обнаружены на гобийских стоянках вместе с керамикой неолитического времени. Однако сам по себе этот факт еще не говорит о столь длительном обитании этих теплолюбивых птиц на территории от Забайкалья до Гоби. И хотя палеонтологи полагают, что страусы могли быть не только современниками мамонтов и обитать на сравнительно близком расстоянии от них, но и пережить мамонтов, все-таки нужно учитывать, что обитатели неолитических стоянок могли находить ископаемую скорлупу и использовать ее так же, как они использовали камни и раковины.

Что же касается верхнего палеолита и мезолита, то в это время страусы могли быть соседями первобытного человека. Не случайно изображения людей, замаскированных под страусов, обнаружены даже на высокогорном Памире в пещере Шахты среди мезолитических рисунков, выполненных минеральной краской.

Ни страусы, ни тем более мамонты не являются неожиданностью среди палеолитических рисунков. Мамонты известны и по изображениям в пещерах и по грави-

ровкам на кости, страусы — по африканским петроглифам и памирским рисункам. Но есть в пещере Хойт-Цэнхэрийн-Агуй и изображение животного, совершенно необычного для западноевропейских пещер.

ДРЕВНЕЙШЕЕ
ИЗОБРАЖЕНИЕ
ВЕРБЛЮДА

Впервые среди столь древних рисунков встречено изображение дикого двугорбого верблюда — этого типичного обитателя монгольских пустынь и полупустынь. Дикие верблюды и сегодня изредка встречаются в безводной зоне Заалтайской Гоби, как и в Синьцзяне, в песках пустыни Такла-Макан и в районе озера Лобнор.

Путешествовавший сто лет назад В. В. Певцов дал подробное описание диких верблюдов: «Их видели неоднократно и наши киргизы, ходившие зимой 1875—76 гг. с хлебными караванами прямой дорогой в г. Гучен. Они ходят там стадами от 10 до 50 особей. Весной самцы, по словам очевидцев, бывают очень свирепы: завидев вблизи человека, они бросаются на него, и если тот безоружен и не успеет вовремя скрыться, то подвергается опасности быть убитым. Вообще же дикие верблюды крайне осторожны и пугливы: едва приметят на горизонте приближающихся к ним людей, сейчас же обращаются в бегство и идут, не останавливаясь, несколько десятков верст, а если их станут преследовать, то бегут безостановочно целые сутки и более. Величиной дикие верблюды несколько меньше домашних, цвет шерсти у них красновато-каштановый, точно «опаленный», как определяли его торгоуты, а горбы значительно меньше, чем у верблюдов домашних».

Верблюд из пещеры каменного века мог бы быть иллюстрацией к этим описаниям. Животное показано бегущим, его передняя нога поднята и согнута в колене. Повернутая к зрителю голова показана предельно схематично, и все-таки создается впечатление, будто верблюд чутко прислушивается, расставив широко уши, одно из которых даже приподнято.

Однако самое интересное в монгольском рисунке —

это проведенная под верблюдом линия горизонта или песчаного холма. Такое явление встречено впервые, ибо вообще понятие верха и низа не свойственно рисункам из Хойт-Цэнхэрийн-Агуй. Вспомним, например, что изображения в первой и второй нишах сделаны на потолке и вне определенной композиции.

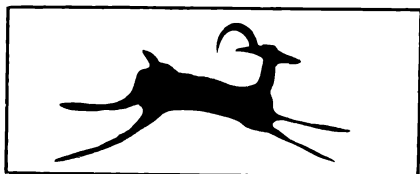
Именно эта черта — большая свобода расположения общих композиций — отличает древнейшую живопись. И одна из наиболее характерных ее особенностей — «открытость» рисунка, состоящая не только в отсутствии рамки, перспективы границы изображения, понятия верха, низа, центра и направления действия, но и в композиционной раскованности, которая выражается в разобщенности всех рисунков, как бы не связанных между собой, иногда перекрывающих друг друга (техника палимпсеста). Однако разобщенность эта абсолютно мнимая, ибо рисунки наносились друг на друга если не одновременно, то в течение очень небольшого промежутка времени и таили в себе определенное содержание, смысл которого очень медленно раскрывается в XX в. Ближе всего подошел к решению этой палеолитической «шарады» ленинградский ученый Э. Фрадкин. Анализ гравировок на костях животных из стоянки в Костенках, открытие перекрещивающих друг друга рисунков, выполненных одновременно или почти одновременно, позволяют думать, что и палимпсесты в пещерах Хойт-Цэнхэрийн-Агуй были одновременны и скрывали тот же смысл, что и гравировки.

Очевидно, еще рано делать окончательный вывод о семантике палеолитических рисунков.

Обратим лишь внимание на большое число змей и рогов в живописи Хойт-Цэнхэрийн-Агуй. Общеизвестно отождествление змей с царством мертвых. Особенно интересно сопоставить изображения змеи, дерева и птицы — символов, соответствующих трем частям Вселенной по мифологии древних. Символы эти достаточно изучены по пещерным рисункам Европы.

Что же касается рогов, изображения которых численно преобладают в монгольской пещерной живописи по сравнению с остальными знаками, то нам придется вернуться к охотничьей магии. Вспомним, например, что головной убор колдуна из пещеры Труа фрер (трех братьев) во Франции был увенчан оленьими рогами. Известно, что эскимосы во время охоты на карибу надевают на го-

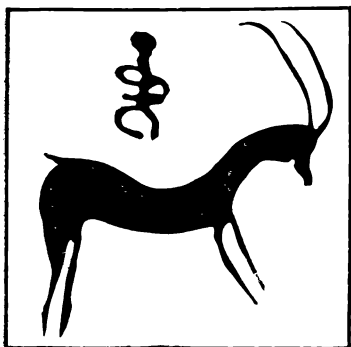
лову рога оленей, чтобы привлечь внимание соперничающих друг с другом самцов в период спаривания. Место культового поклонения духу гор в Лапландии XVII в. представляло собой расположенный высоко в горах жертвенник, где хозяин гор в виде каменного изваяния был окружен полукругом из оленьих рогов.

«ОБО» — ЖЕРТВЕННИКИ
ДУХАМ ГОР

Территориально более близкие параллели существуют в самой Монголии. До сих пор на всех высоких горах и перевалах сохранились жертвенные культовые сооружения — «обо». В разных концах страны они неодинаковы, но чаще всего это искусственные горки из сотен и тысяч камней. Иногда это одна горка, иногда цепь насыпей, еще реже — большой курган из камней, от которого лучами расходятся маленькие горки. Но неизменно вершины «обо» украшены черепами лошадей и рогами оленей. «Обо» воздвигнуты в честь духов гор. Сооружены эти жертвенники задолго до проникновения буддизма в Центральную Азию. Очевидно, истоки этой традиции следует искать в эпохе каменного или бронзового века. Во всяком случае, самые ранние погребения конца бронзового века в Монголии в виде оленных камней и керексуров, поставленных на могилах вождей, сходны по конструкции с древнейшими жертвенниками, которые и сегодня почитаются местными жителями.

Быть может, прообразом подобных святилищ были пещеры. Разница состоит лишь в том, что монгольские обряды около «обо» совершались высоко в горах, причем в них разрешалось участвовать только мужчинам. Пещерные святилища эпохи палеолита также были спрятаны от глаз непосвященных, скрыты во тьме и изобиловали многочисленными знаками и рисунками рогов, змей, кругов и животных. Надо полагать, что эта смысловая нагрузка палеолитической живописи повсюду от Западной Европы до Западной Монголии была в определенных пределах равнозначна.

НОВЫЕ ПОСЛАНИЯ ИЗ КАМЕННОГО ВЕКА ЖЕРТВЕННИКИ ГОРЫ АРШАН ХАД

Нам не давал покоя вопрос: не может быть, чтобы памятник Хойт-Цэнхэрийн-Агуй был единственным. Должно быть продолжение. Так оно и оказалось. Летом 1974 г. на северо-востоке Монголии было сделано еще одно интереснейшее открытие — на горе целебных источников найдено древнее, не прочитанное еще «послание» людей каменного века.

В нескольких тысячах километров от пещеры Хойт-Цэнхэрийн-Агуй, в Хэнтэйском аймаке, среди безбрежной равнинной степи возвышаются единственные в этих местах скальные выходы. Они получили в народе название Аршан хад, что значит Гора священных или целебных источников. Гора развернута дугой вдоль западной части долины реки Онон и ее многочисленных притоков и стариц и сложена из песчаников, сланцев и кремнистых пород. Люди эпохи неолита использовали этот камень как сырье для изготовления орудий труда. Следы неолитической мастерской мы находим на очень большой площади вдоль подножия горы.

И вот обнаруживается, что скалы эти сплошь покрыты рисунками, выполненными охрой или выбитыми глубоким контуром.

Петроглифов здесь так много, что поначалу мы не знали, за что братья. Они относятся к разным эпохам: ко времени плиточных могил (начало первого тысячелетия до нашей эры), к древнетюркскому времени, к средневековью. Изображение Будды выбито на вертикальном камне и перекрывает рисунки скифского времени.

Но самой интересной для нас оказалась стоящая особняком большая плита с выбитыми на ней с двух сторон

знаками. Ее открыл монгольский археолог Х. Пэрлээ. Две трети плиты вместе с частью рисунков были перекрыты культурным слоем неолитической мастерской — на редкость счастливая случайность. Благодаря ей мы смогли довольно уверенно датировать петроглифы: знаки были выбиты задолго до существования здесь неолитической стоянки. Следовательно, возраст их — в пределах мезолита либо даже верхнего палеолита.

Итак, что же это за «послание древних»?

Вся поверхность плиты оказалась покрытой знаками, причем ни один из них не перекрывал другого. Эта словно закодированная длинная «запись» состоит из сотен знаков. Хотя здесь нет даже двух совершенно одинаковых изображений, все-таки можно выделить несколько групп.

Первая группа — круги, круги с одной точкой внутри, круги с тремя точками и направленной вниз линией (в виде ноги), круги с двумя «ногами» или с одной. Круги с двумя «ногами» можно было бы принять за схематичные изображения фантастических людей с большими головами. Быть может, так и изображались люди теми древними художниками?

Вторая группа — это различные геометрические фигуры. Остроугольные равнобедренные треугольники со спускающейся вниз линией, похожие на ногу со ступней! А если чуть пофантазировать, может показаться, что перед нами замаскированный человечек. Подобный маскарад неоднократно изображался в искусстве каменного века. Силуэты ряженных людей известны в палеолитической пещерной живописи Западной Европы: в Альтамире, Труа фрер, Габийю, Комбарелль. А на мезолитических рисунках в Зараут-Камаре в Узбекистане рядом с дикими животными, пронзенными стрелой, танцуют птицеголовые люди в плащах треугольной формы. Там же, в Узбекистане, изображены ряженные фигуры в виде длинных треугольников с шеями, но без голов, на полусогнутых ногах. А под изображением человека с треугольным силуэтом нарисован круг с такой же спускающейся вниз длинной линией, какие мы видим здесь, в Монголии.

Третью, самую многочисленную группу знаков составляют «следы копыт»: по одному, по два, иногда длинными рядами. А рядом с ними проведены довольно ровные двойные полосы длиной от одного до двух мет-

ров. Больше всего они напоминают следы полозьев са-ней или лыж на снегу.

Сама идея следа, отпечатка ладони или стопы (в дан-ном случае копыта) опять-таки не новость в искусстве каменного века, но определить семантику аршанхадских петроглифов мы пока не можем — у нас нет достаточно данных, хотя, конечно, это будет сделано уже в ближай-шее время.

Четвертая группа знаков весьма немногочисленна. Это стрелы, елкообразные фигуры, простые и сложные изображения рогов, деревья с симметрично расположен-ными рогообразными спиралями и т. д. Часть их совпа-дает по конфигурации с рисунками из пещеры Хойт-Цэнхэрийн-Агуй (быть может, и те и другие возникают одновременно?), и это как раз те знаки, которые не име-ют подобий в западноевропейском искусстве. Правда, некоторые из них напоминают символы из палеолитиче-ских росписей пещер Франции, но большая часть совер-шенно самобытна.

Не только та счастливая случайность, о которой уже говорилось, позволяет определить возраст петроглифов Аршан хада. В пользу мезолитического возраста говорит и сравнение их с узбекистанскими и памирскими рисун-ками этой эпохи. Первые образцы мезолитического ис-кусства из пещеры Мас д'Азиль представляли собой раскрашенную гальку с загадочными знаками и симво-лами. Интересно, что знаки эти порою встречаются и сре-ди монгольских петроглифов и что подобные крашенные гальки вдруг совсем недавно найдены в Прибайкалье. Опять-таки — параллели, связи, о которых много еще нужно думать.

После открытия в Аршан хаде скалы с мезолитиче-скими рисунками стало ясно, что часть ранее известных петроглифов, и тогда малопонятных, отныне тоже может быть причислена к сюжетам мезолитического искусства.

А рисунки подобного типа известны во многих райо-нах Монголии: на востоке — в Хэнтэе (Аршан хад и Узуур Цохиор), на крайнем западе — в Баян-Ульгий-ском аймаке (Бугат сомон), на юге — в Южногобий-ском аймаке (Арабжах).

Интересно вспомнить в связи с этими находками о петроглифах, обнаруженных нами в Средних Гоби, в полупустынной местности Цаган Айриг.

У подножия пологой горы, где мы обнаружили и об-

следовали неолитическую мастерскую, лежат большие плоские камни; длина и ширина каждого камня — несколько метров. Они — словно гигантские стволы деревьев-великанов. Мы долго разглядывали и ощупывали их, пока не увидели едва различимые выбитые загадочные знаки. Обнаружить их было не так просто. Только тщательно прошупывая неровную ноздреватую поверхность, увидели изображения копыт верблюдов, куланов, коней и опять длинные линии — «дороги». Сходство с отпечатками копыт было так велико, что почти невозможно было поверить в их искусственное происхождение. Кажется, что здесь когда-то прошли табуны диких животных. Однако реальные события напоминают о себе рисунками на одном из камней. Там выбиты более сложные фигуры: длинные стрелы (длиной до 30 сантиметров), концентрические окружности, S-образные, свастикообразные и вилообразные знаки, елки и квадраты. Квадраты, разделенные пополам вертикальной линией, весьма похожи на подобные рисунки в западноевропейских палеолитических росписях.

Итак, благодаря открытию мезолитических петроглифов Аршан хада мы получили возможность построить единую линию развития для памятника искусства каменного века большого региона и убедиться, что все находки Монголии не были случайным или исключительным явлением, а вполне естественным и закономерным результатом развития с древнейших времен.

Знаменательно, что в Аршан хаде стела со знаками частично закрыта землей со слоем стоянки каменного века с неолитическими орудиями и массой отщепов, и в Средних Гоби камни с рисунками были расположены на месте неолитической мастерской и также частично перекрывались культурным слоем. Следовательно, рисунки должны быть древнее стоянки.

Все перечисленные изображения, как мы видим, представляют собой какие-то знаки и символы. В этом их отличие от более древних пещерных рисунков, где преобладающий сюжет — контурные фигуры диких животных.

Видя определенную преемственность между более древними памятниками верхнего палеолита и символическими фигурами Аршан хада, трудно допустить, что в мезолитическом искусстве Монголии отсутствовали изображения животных. Они должны были быть. Мы ждали встречи с ними с нетерпением. И естественно, не

обманулись в своих ожиданиях. Здесь же в Аршан хаде, всего в 20 метрах от скалы со знаками, мы обнаружили наклонно лежащий камень, на котором под слоем лишайника едва виднелись три фигуры животных.

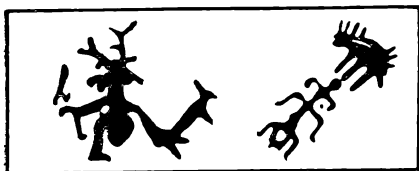
Они были выбиты неглубоким контуром, однако очень отчетливо и рельефно; одна из фигур сохранилась не полностью, трещина в камне разрушила часть ее головы. Два зверя идут друг за другом слева направо, один чуть ниже другого. Интересно, что фигуры связаны не сюжетом, а единым стилем.

По тому, как выполнены рисунки, по плавности линий, простоте контурного рисунка, отсутствию антропоморфных фигур и уточняющих деталей (глаз, ушей и т. д.), эти изображения более всего напоминают пещерные росписи Западной Монголии, а также фигуры быков мезолитического возраста из Кобыстана в Азербайджане.

Какие животные здесь изображены? Единого ответа на этот вопрос нет. Одни полагают, что это носороги, другие — что кабаны, третьи (их большинство) считают, что это бодающиеся дикие быки, наклонившие вниз головы.

За предположение, что это носороги, говорят длинные «рога» и, главным образом то, что на территории Забайкалья и Монголии костных останков носорогов обнаружено больше, чем, скажем, останков кабанов. В то же время археологическая традиция чаще связывает человека конца каменного века с кабаном. Дальнейшие исследования покажут, кто прав, важно, что рисунки найдены. Найдено недостающее звено. Появилась возможность проследить преемственность традиций от верхнепалеолитической живописи к наскальному искусству мезолита.

Рисунки, о которых шла речь, интересны еще и потому, что, будучи отдаленными от памятников Европы десятком тысяч километров, показывают, однако, что развитие искусства первобытных охотников шло одними и теми же путями.

АМУЛЕТЫ ШАМАНА
КАМЕННОГО ВЕКА

Если ехать от Аршан хада далее на восток по ровной бескрайней степи к г. Чойбалсану, вы окажетесь в широкой долине, где обитали племена нового каменного века, и археологам посчастливилось раскопать здесь немало погребений того времени. Самое интересное из них было открыто совершенно случайно. И о нем следует рассказать особо.

Летом 1972 г. в 72 километрах от Чойбалсана геологи советско-монгольской экспедиции остановились на ночлег на второй надпойменной террасе на берегу Керулена. По другую сторону реки до самого горизонта простирается бескрайняя степь. И лишь невысокая гряда холмов, именуемая горами Норовлийн уул, нарушает монотонность пейзажа. Геологи не случайно выбрали это удобное и живописное место, также не случайно оно неоднократно становилось пристанищем для древних обитателей степей, высокие холмы расположены у самой воды и в то же время защищены от наводнения и разлива.

Гуляя по холмам, шофер экспедиции подобрал в глубокой промоине длинный каменный амулет, на котором было изображено человеческое лицо. Осмотрев нависшие над ним отвесные стенки оврага, он увидел торчащие в трехметровой осыпи кости, окрашенные красной краской. В Улан-Баторе шофер сообщил о своем открытии археологам и передал им удивительный амулет. Раскопки были проведены в том же году.

На глубине 160 сантиметров в ярко-красной, насыщенной охрой могильной яме, вырытой около 6 тысяч лет назад, был похоронен покойник в позе сидящего на корточках человека с сильно согнутыми ногами. И под ним, и над ним был насыпан густой слой красной краски.

Несохранившаяся одежда была расшита в древности мелким бисером из белой пасты: более 3 тысяч бусин покрывали скелет, причем обильнее всего возле черепа. Шею покойника украшало ожерелье из крупных белых шаровидных бус. два кольца неправильной формы, сде-

ланные из раковин, лежали по обе стороны черепа. Они были украшены по краю узкими резными треугольниками и имели отверстия для подвешивания. Возле черепа найдены также клык кабана и плоские овальной формы бусины, орнаментированные вертикальными параллельными насечками. Более всего они напоминают подвески из клыков марала. Расположение этих пастовых имитаций клыков вокруг головы позволяет думать, что они украшали головной убор.

Под левым плечом лежали десять тоненьких подвесок из клыков кабарги, а еще ниже — семь плоских бляшек, ювелирно вырезанных из крупной раковины с радужной оболочкой, две круглые бляшки с отверстиями в центре и радиальными насечками, две бляшки в виде фигурок кабана или, что вероятнее, медведя с отверстиями в центре для пришивания (как у современных пуговиц). Фигурки очень похожи друг на друга: у них непропорционально крупная голова с полукружием уха, выпуклый «отвисший» живот и короткие ноги. Остальные бляшки круглые с зубчатым краем. Все эти украшения, лежавшие рядом, были, возможно, нашиты на плащ, свисавший с левого плеча. Переднюю часть плаща украшали также две луновидные подвески из продольно расщепленных клыков кабана. А под рукой у самой груди лежал двулезвийный костяной кинжал. В вырезанных с обоих боков пазах кинжала были закреплены кремневые вкладыши. Кинжал имеет отверстие для подвешивания, очевидно к поясу.

ДРЕВНЕЙШИЙ
В МОНГОЛИИ
ПОРТРЕТ ЧЕЛОВЕКА

Самым интересным украшением был каменный амулет. Этот плоский каменный пест длиной 22,5 сантиметра при небольшой ширине 4 сантиметра. Небольшое отверстие в верхней части свидетельствует о том, что амулет был подвешен, скорее всего на груди. Об этом можно судить по его положению около грудной кости.

Мелкозернистый камень светло-серого цвета отшлифован, и с лицевой стороны на нем высечено лицо чело-

века. Двумя крупными резными линиями прорисованы брови; овальными, почти ромбовидными углублениями показаны глаза. Широкий рельефный валик вокруг них как бы подчеркивает тяжелые веки. Выпуклости щек едва намечены мягким рельефом, отделяющим их от носа. Нос длинный, прямой, немного расширяющийся книзу и незначительно выступающий на плоскости камня, ноздри тонкие, широко раздвинутые, с поперечным валиком. Два вертикальных выступа, возможно, изображают усы. Маленький рот передан небольшим углублением. Непропорционально вытянутая нижняя часть лица создает впечатление непроработанной бороды, от которой видны лишь четыре насечки по бокам амулета.

Древний художник использовал и графические, и пластические приемы. И хотя это не портретное, достаточно схематичное изображение, оно тем не менее необыкновенно выразительно.

Моделью для скульптора, создавшего амулет, служило явно не монголоидное лицо. Однако нельзя сказать, что это портрет европеоида. Амулет воспроизводит, очевидно, представителя палеоазиатского населения древней Центральной Азии и в известной степени напоминает ранние скульптурные портреты суровых богов американских индейцев. В конце каменного века этот антропологический тип был распространен на огромной территории от Тибета до Чукотки. Интересно, что устойчивый в Восточной Монголии погребальный обряд сидячих захоронений с подогнутыми ногами был также характерен для эскимосов и индейцев Америки. Эти параллели не покажутся слишком странными, если напомнить принятую в настоящее время большинством историков теорию заселения Америки, согласно которой в эпоху мезолита волна миграции двигалась из глубины Азии через Сибирь и Чукотку на Аляску, а оттуда дальше в Америку. И не исключено поэтому, что движение древних азиатских племен в более северные лесные зоны, захватившее огромные массы людей и приведшее в конце концов к образованию современных этнических групп и народностей, начиналось именно здесь, в глубинах Центральной Азии. Вот почему каменный амулет с изображением длиннотелого человека может быть назван в равной степени портретом предков древнего населения Америки.

В свете столь далеких параллелей особенно интерес-

но сравнить результаты анализа антропологических материалов из погребения Норовлийн уул, где был найден древнейший портрет.

Череп из погребения прекрасно сохранился. Он имел непропорционально большие размеры и принадлежал молодому мужчине, который по антропологическим данным был ближе всего к палеоазиатскому типу. У него очень длинное резко уплощенное лицо, большой нос с широкими крыльями.

Разумеется, нельзя ставить знак равенства между схематичным изображением на камне и черепом. Нужно также помнить, что в распоряжении антропологов был всего лишь один череп! И все-таки нельзя не заметить удивительного совпадения пропорций лица и носа на черепе и на амулете. Вспомним, например, луноликие портреты дальневосточных древних скульптур, где монголоидность подчеркнута и шириной лица, и наклоном глаз. И если там художник специально выбирал круглую гальку, то, может быть, не случайно древнейший известный нам в Монголии ваятель использовал длинный камень, на котором ему легче было передать пропорции обобщенного лица своего современника.

Норовлийнуульский портрет, конечно, уникален, но если все же искать для него аналогии, то они приведут в Прибайкалье, где в древнем погребении из села Распутина найдено четко датированное изображение головы мужчины. Эта высеченная из мрамора круглая скульптура так пластична, что производит впечатление вылепленной из глины. Скупыми штрихами передан портрет человека с узким скуластым лицом, заканчивающимся клиновидной бородкой. Длинный горбатый нос увеличивает сходство портрета с типично индейским лицом.

Монгольские прекрасно обработанные украшения, разнообразные мелкие изделия из раковин, рога и камня могут быть отнесены к концу неолитической эпохи или началу энеолита и названы древнейшими дошедшими до нас произведениями этого типа.

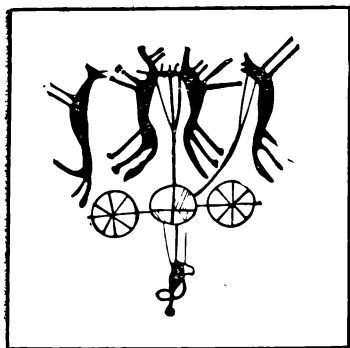
На рубеже каменного и бронзового веков в Монголии жили племена земледельцев и собирателей, охотников и рыболовов, имевшие развитую систему культов и верований. Мелкая пластика, которой они широко пользовались, отражала их мировоззрение, своеобразный мир звериных образов. По обилию костей и клыков лесных животных мы видим, что человек, хотя и пере-

шедший к земледелию и оседлости, продолжал заниматься охотой и, верный охотничьей магии, высоко ценил такие трофеи, как клыки кабана, украшая ими одежду и головные уборы.

О возникновении новых культов, связанных с развитием земледелия, можно судить по захоронению головы быка. Находки же на поселениях костей лошади или кулана и крупного быка говорят, возможно, о первых попытках приручения этих животных.

Условно выполненные фигурки кабанов или медведей, обилие клыков кабана, а также появление образа человека — все это, вероятно, связано с изменениями в социальной жизни. О том же говорит и явно культовый характер этого искусства малых форм. Прежде всего только в погребениях мы встречаем скульптурные культовые предметы. Важен и тот факт, что предметы мелкой пластики встречены не в рядовых погребениях (а они уже достаточно известны), а в захоронении, отличающемся богатством. Подобные богатые украшения погребения той же эпохи отмечены и на территории Сибири. Очевидно, в Монголии, как и в соседней Сибири, столь богатое погребение с амулетом может считаться захоронением не рядового члена общины, а служителя культа, возможно, шамана, ибо только людей, общавшихся с духами, провожали в загробную жизнь со столь пышным ритуалом. Например, ости хоронили вместе с шаманом изображения своих богов, талисманы в виде просверленных клыков, челюстей или черепов тотемных животных. Плащи и передники шаманов у многих народов Сибири были украшены фигурками духов — людей и животных, а головные уборы расшиты и увешены клыками, амулетами из кости, бронзы и меха: у эскимосов, чукчей, якутов и монголов этот обычай сохранился до начала XX в.

В погребении из Норовлийн уула шаман похоронен со всеми символами духов-хранителей, клыками кабана, фигурками животных, которые были необходимы ему на земле и которые оставались с ним после смерти. В этом наиболее ярко выражался культ предков, культ шаманов и его единство с духами — вместилищами душ.

ДОРОГОЙ ДРЕВНИХ КОЛЕСНИЦ

И снова наши маршруты привели нас в г. Кобдо.

— Дальше дороги нет, — сказал начальник геологического отряда, — Улан-дабан завален снегом...

Геологи не могли пройти через этот перевал и довольно скептически смотрели на наш грузовой ГАЗ-66. Мы расстались с ними и остались одни на дороге, ведущей из монгольского г. Кобдо к отрогам Алтая — цели и надежде нашего небольшого отряда, работающего в МНР с 1969 г.

...За Улан-дабаном нас ждали еще никем не исследованные, только недавно открытые древние наскальные изображения.

И поэтому мы все же решили пробиваться.

Улан-дабан — Красный перевал — был действительно покрыт метровым слоем снега. Мы прокопали траншею до зеркально отполированного ледяной коркой камня дороги и буквально на руках втащили на перевал машину.

В самой высшей точке перевала мы увидели засыпанную снегом кучу камней — «обо», жертвенник духу гор. Когда-то первый путник, одолевший этот перевал, положил у обочины тропы камень. Прошедший за ним — еще один. Так столетиями на вершинах перевалов Монгольского Алтая вырастали жертвенники. Путники и сейчас оставляют в «обо» не только камни — кто пригоршню конфет или сахара, кто сухую творожную лепешку — арул. По традиции эти приношения предназначались духу гор в знак благодарности и с просьбой быть великодушным к людям этих мест в будущем. Мы не нарушали древний обычай — добавили к «обо» Улан-

дабана по камешку и оставили коробок спичек: пусть какой-нибудь одинокий путник-арат с благодарностью помянет и нас, закуривая свою длинную серебряную трубку с прозрачным нежно-зеленым нефритовым мундштуком.

От перевала дорога уходила в узкое ущелье Яманы ус.

И здесь, в этом ущелье, мы увидели то, ради чего можно одолеть десятки снежных перевалов: от самого основания до вершины скалы были покрыты древними рисунками. Их было так много, что только для беглого осмотра нам потребовалось несколько дней. Основная масса рисунков была выбита на склонах горы Ханыхад. Вся эта гора как бы сложена из крупных блоков, идущих широкими кольцами, образуя небольшие уступы над узкими карнизами.

Самые интересные рисунки — на вершине скалы, на высоте десяти метров. Чтобы добраться до них, пришлось соорудить деревянную лестницу, но карниз, на который ее поставили, был столь узок, что лестница поднялась почти вертикально и попытку взобраться на нее можно было заранее назвать самоубийственной. Тогда сотрудник экспедиции — студент Монгольского университета Циенрегцин, как оказалось, неплохой альпинист, вскарабкался на гору по еле заметным уступам. Он закрепил там веревку, привязав к другому ее концу лестницу. Первым по этой «шведской стенке» поднялся монгольский филолог и журналист Дзориг. Едва он кое-как пристроился и начал снимать копию с первого петроглифа, с вершины сорвался камень и попал художнику в голову. Каким-то чудом Дзориг удержался на лестнице: когда мы его спустили вниз, он едва стоял на ногах.

А ведь по этим-то узким карнизам с риском для жизни карабкались и древние художники. Что толкало их на это? Какими традициями освящено было это ущелье? Проходили века, сменялись поколения, но неизменно появлялись на отвесных склонах все новые и новые рисунки.

И так было по всей Монголии.

Уже сейчас можно перечислить десятки и сотни местонахождений петроглифов, открытых по всей Монголии только за последнее десятилетие.

В ущелье Яманы ус самые древние петроглифы изображают животных: оленей, горных козлов, баранов.

Эти гравюры выполнены буквально с академической точностью, и уверенно можно сказать: вот это кулан, это конь, а чуть поодаль от коня замер горный полуосел — киянга. Рыси, барсы, гиены, тигры различаются на рисунках древних художников и по форме лап, морд, когтей, даже по форме пятен на шкурах. (Палеозоологическая дешифровка этих древних гравюр и фресок еще впереди, и она сулит немало неожиданностей, и не столько историкам, сколько биологам, ибо на этих гравюрах, покрытых многовековым черным загаром, изображены десятки пород животных, ныне или частично ушедших из этих мест, или вымерших.) Люди, проходившие этим ущельем, рассказывали на скалах своего древнего святилища и о том, как они охотились, сражались, совершали ритуальные танцы и путешествовали в загробное царство.

Большая часть петроглифов была выбита более трех тысяч лет назад, в эпоху бронзы и раннего железного века — эпоху выделения племенных вождей и разложения первобытной общины. И это во многом определило тематику рисунков — война. Война была постоянным промыслом и источником обогащения для племен и их вождей. Вот фигура лучника — напряженная поза, ноги полусогнуты в коленях, он только что спустил тетиву лука. Но сзади к нему подобрался враг и занес над его головой боевой топор — чекан. (Кстати, этот рисунок — единственное пока изображение этого древнего оружия в действии.)

Так началась наша работа в Яманы ус. Сколько она продлится — год-два, десять, сейчас сказать трудно.

И дело здесь не только в обилии рисунков, а еще и в том, что каждый из них надо расшифровать, прочесть и понять: уже в первые же дни работы в ущелье советский и монгольский археологи В. Волков и Н. Наван среди сцен битв и охоты, рисунков зверей и ритуальных танцев обнаружили и изображения боевых колесниц.

...Несколько лет назад в южных отрогах Гоби среди тысяч рисунков на скалах в Ховд сомоне археологи открыли изображение одной четырехколесной повозки. Тогда это открытие показалось весьма неожиданным: каким образом появилось изображение повозки там, где пролегали только вьючные тропы?

И вот теперь в Яманы ус перед нами предстала ве-

реница таких же колесниц. Все на двух колесах, в упряжках — две, три или четыре лошади. Возницы стоят, широко расставив ноги, горделиво уперев руки в бока или держа боевой лук. И снова загадка: откуда появился этот сюжет здесь, опять же в недоступном для колесниц горном ущелье?

Примерно в XV в. до н. э. на берегах Енисея появились племена, принесшие культуру, не известную там ранее. Эту культуру историки называли карасукская — по имени небольшой хакасской речушки Карасук, возле которой были сделаны первые находки.

В карасукских погребениях археологи находили бронзовые зеркала и остатки круглодонных глиняных сосудов, расписанных геометрическими узорами, тончайшего художественного литья боевые ножи и кинжалы, увенчанные скульптурными головами диких животных — лосей, оленей, баранов и козлов. А среди всего этого странные бронзовые предметы, назначение которых было непонятно. Среди многих мнений о назначении этих массивных предметов была высказана и догадка о том, что это деталь колесницы.

Затем в глубине Алтайских гор, в Пазырыкской долине, лежащей вдалеке от проезжих дорог, экспедицией советского археолога С. Руденко были раскопаны курганы так называемых алтайских скифов. Курганы были расположены в слое вечной мерзлоты, и она сохранила бесценные для науки орудия труда, украшения, оружие, одежду людей, живших в этих местах почти три тысячи лет назад. И деревянную боевую колесницу.

И вот теперь на скалах Яманы ус мы увидели на наскальных чертежах древних колесниц (их можно назвать именно чертежами из-за пунктуальной точности их прорисовки в плане) очертания похожих деталей.

На нескольких рисунках Яманы ус перед колесницами изображены табуны коней и всадники. Значит, можно предположить, что художник здесь рассказал о каком-то дальнем переходе большой группы людей, может быть, целого племени, — переходе, для которого были нужны и колесницы, и лучники, и табуны лошадей.

Так, может быть, это была каменная летопись, повествующая о давних походах предков карасукцев?

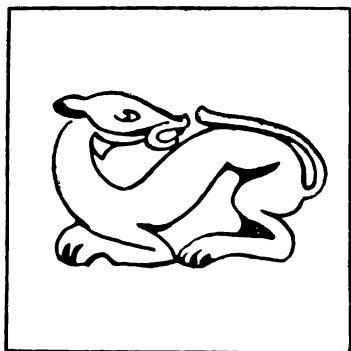
И прежде некоторые исследователи предполагали, что истоки во многом еще загадочной карасукской культуры следует искать в Монголии. Некоторые находки,

сделанные на территории Монгольской Народной Республики, давали основание для такого предположения — здесь были обнаружены прекрасного литья мечи и кинжалы со скульптурными навершиями, аналогичные типичным карасукским образцам. Причем монгольские изделия можно считать более древними.

Изображения подобных колесниц находили в погребениях эпохи бронзы и южнее, но они, как показывают наблюдения, возможно, появились там позднее, чем на Монгольском Алтае: об этом свидетельствует и стиль изображений, и сама конструкция повозки и колеса. А самые древние изображения колесниц, похожие по конструкции на те, что найдены в Пазырыкских курганах и высечены на скалах Яманы ус, исследователи обнаружили за тысячи километров от Алтая — в Месопотамии. И можно предположить, что эти ближневосточные колесницы, прошедшие трудными путями через хребты Алтая, распространились по всей Центральной Азии, а затем появились и в более южных землях, и на севере.

Три тысячи лет назад от берегов Тигра и Евфрата отправившись в многовековой путь огромные деревянные колесницы. Они преодолели тысячи и тысячи километров пути. Они шли через горные перевалы и реки, выжженные степи и бескрайние долины. Сменяли друг друга поколения, передавая, как эстафету, свои умения, знания, опыт, искусство, а колесницы, повозки, кибитки шли и шли.

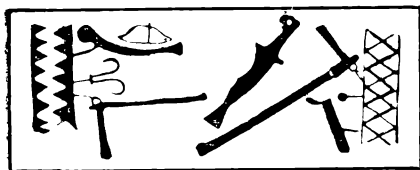
А может быть, сами древние колесницы и их изображения оставлены в самых труднодоступных районах Горного Алтая, и сейчас еще малопроходимых для колесного транспорта, не случайно, но как память об этом великом и медленном переселении, как дар истории на одном из перевалов времени в память следом идущим поколениям... Я уверена, да и не только я, но и все мои монгольские и советские коллеги по этой экспедиции, — Яманы ус скоро станет «меккой» археологов и историков-монголоведов.

НЕКРОПОЛЬ ВОИНОВ СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ

Наши работы по копированию и фотографированию наскальных рисунков подходили к концу, мы уже собирались покинуть горы Монгольского Алтая и возвращаться домой, пока не выпал снег. Вдруг пришло сообщение от директора Кобдоского музея. На северо-западе страны недалеко от города Улангом во время строительства дороги при разработке песчаного карьера бульдозерист вдруг вывернул на поверхность земли огромные полусгнившие бревна. А затем под ножом бульдозера показались кости человека, причем череп был пробит в трех местах бронзовым наконечником стрелы. Строители тут же прекратили работы и немедленно дали знать о своей находке местным краеведам. Те сообщили в Улан-Батор. А так как нельзя было откладывать строительные работы до следующего года, то участникам советско-монгольской экспедиции пришлось в темпе марш-броска спешить к месту открытия. Памятник действительно оказался уникальным. В огромных деревянных срубах, имеющих форму усеченных пирамид, аналогичных тувинским и южносибирским погребениям того времени (V—III вв. до н. э.), похоронены по семь — десять человек, чаще всего мужчин. Причем у многих отчетливо видны травмы на черепках. Рядом с погребенными положено их боевое оружие: кинжалы, ножи, стрелы и луки, а также украшения, пряжки от поясов и ремней, бронзовые зеркала. Узногорлые сосуды изящной формы часто украшены орнаментами, фигурами козлов или оленей. На одном сосуде обнаружена какая-то загадочная надпись.

Интересно, что многие из этих предметов мы уже знали по изображениям, выбитым на знаменитых оленных камнях.

СТРЕЛЫ
С ИЗОБРАЖЕНИЕМ
ОЛЕНЕЙ
В «ЛЕТЯЩЕМ ГАЛОПЕ»

Оленные камни являются наиболее ярким памятником древней Монголии. Они устанавливались в священных долинах группами (иногда в несколько рядов) или в одиночку. Эти гранитные изваяния высотой до пяти метров органически вписались в ландшафт монгольских степей. На них до сих пор сохранились изображения выгравированных «летающих» фантастических оленей с птичьими клювами.

Территория распространения оленных камней четко ограничена: от Забайкалья до Гоби, где известны единичные находки, от Большого Хингана на востоке до Центрального Казахстана, где найдено одно аналогичное изображение. Очевидно, родиной этих своеобразных стел была Монголия, так же как Южная Сибирь была родиной каменных изображений женских фигур с бараньими головами или рогами.

Новые открытия в Монголии (исследование нескольких сотен оленных камней) дали интересный материал, ранее совершенно неизвестный. Прежде раскопки оленных камней не проводились. Потому от внимания исследователей часто была скрыта под землей самая интересная нижняя часть памятника. Там изображались предметы, подвешенные к поясу. В настоящее время мы располагаем большими сериями изображений оружия и орудий труда.

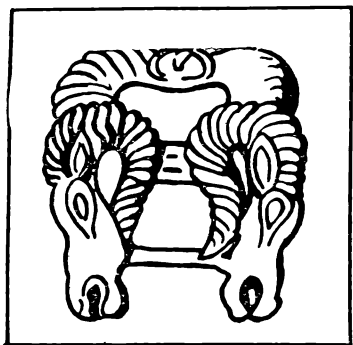
На вновь открытых оленных камнях из Монголии перед нами впервые предстали выбитые углубленным силуэтом изображения кинжалов ранних форм, кривых ножей, копий, стрел, луков, топоров, щитов, колчанов и т. д., а также серег, зеркал, амулетов.

Особенно интересны изображения кинжалов со скульптурными навершиями, на которых в лучшей карасукской реалистической, но несколько стилизованной манере выполнены головы горного козла — янгира, барана, оленя, коня. Встречен кинжал с навершием в виде головы животного из породы кошачьих. Самый же интересный памятник был открыт и исследован на севере Мон-

голии в местности Ушкийн Увэр, где на огромном жертвеннике было вкопано три ряда оленных камней, повернутых лицами на восток, на восходящее солнце, а на одном из них впервые реально изображено лицо человека (позднее подобные стелы встречены еще несколько раз). Перед нами предстало лицо человека, жившего около 3000 лет назад, удлиненное, скуластое, горбоносое. Большой рот с выпуклыми губами, ни бороды, ни усов. В ушах воина показаны большие круглые серьги, на шее ожерелье. Ниже вся часть памятника заполнена фигурами скифских оленей и изображением оружия. Повсюду олень отличается ветвистыми рогами, протянувшимися вдоль всей спины, птичьей клювовидной мордой и обязательно подогнутыми под животом ногами.

Итак, на своих жертвенниках и во время тризн по умершим древние обитатели Монголии убивали коня, зарывали копыта и череп, а на этом месте воздвигали памятник в виде воина или вождя. Эта стела чаще всего изображала в верхней части голову человека с серьгами и ожерельем. Здесь же иногда показаны кошачьи хищники, преследующие кулана, тигры, охотящиеся за солнцем, то есть угадывается тематика, связанная с небом, солнцем и луной. Вся средняя часть оленного камня заполнена оленями — можно предположить, что эти тотемные животные (предки и защитники) изображают существовавшую на теле воинов татуировку, но не исключено, что одежда была просто расшита аппликациями. Примеры и того и другого нам известны по находкам в курганах горного Алтая, выставленным в экспозиции Государственного Эрмитажа. Я имею в виду открытия в Пазырыкских курганах.

Изучение оленных камней, петроглифов, рисунков на сосудах из глины, бронзовых скульптур на кинжалах и ножах неразрывно связано с изучением одного из наиболее ярких направлений изобразительного искусства культуры кочевников — так называемого «звериного стиля». Именно в Монголии удастся проследить его истоки, развитие и длительное сохранение мотивов и элементов стиля вплоть до XX в.

«ЗВЕРИНЫЙ СТИЛЬ» В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ

Под термином «звериный стиль» принято понимать широко известную изобразительную манеру мастеров-художников первой половины — середины I тысячелетия до н. э. так называемой скифской эпохи. Весьма своеобразная в каждом локальном варианте эта манера имела и те определенные черты, которые позволяют объединить «звериный стиль» как искусство кочевников Евразии. К обобщающим каноническим образам относятся следующие: свернувшийся в кольцо кошачий хищник (пантера или барс), сцены терзания хищниками (птицами-грифонами, волками или тиграми) травоядных животных (лосей, оленей, куланов или коней). Животные изображены в определенной стилизованной манере, с подчеркнутыми признаками хищности: когтями, клыками, клыкастыми пастями.

Предметы, выполненные в «зверином стиле», встречаются на большой территории от Восточной и Центральной Европы до Центральной Азии. Тысячи находок отмечают путь его распространения, однако истоки формирования и место первоначального зарождения этого направления до сих пор дебатировались в специальной литературе.

Анализ монгольского «звериного стиля» в настоящее время можно начинать с петроглифов эпохи энеолита, когда древние художники высекали на своих высокогорных святилищах сцены с жертвенными животными и тотемами — предками рода. Среди них первоначально преобладали копытные животные: быки-туры, бараны и олени. Изобразительная манера той эпохи представила монументальных и статичных быков, иногда с луной

в рогах, со звездой над головой. Олени первоначально изображались с вертикально расположенными рогами в форме дерева (ели). Рога оленя изображали также на танцевальной маске, на голове матери-прародительницы. К эпохе бронзы относится и изображение колесницы, в которую впряжены два оленя.

Для передачи мифа, отражавшего представление той эпохи о Вселенной, древние художники искали оптимальные варианты, позволявшие рассказать о многом в предельно сжатой форме. Символ солнца, колесница и олень совмещались в одном понятии: луна в рогах быка, солнце в рогах оленя объясняли место этих животных на небе. Очевидно, и синкретический образ копытного, обнаруженный среди рисунков Чулуута, с телом быка, рогами горного барана и пятнистой окраской оленя, был призван воплотить в себе Вселенную. Интересно отметить, что даже мифические образы монгольских петроглифов на редкость реалистичны. В них восхищает лаконизм и чеканная завершенность, выразительность главного образа.

Итак, копытные животные, и прежде всего олени, занимают центральное место в космогонических культах древнего человека. Что касается орнамента, декора и стиля изображения, они были подчинены этой главной идее. Но теперь мы опираемся именно на них, пытаемся проследить формирование «звериного стиля» в Монголии. Здесь как нигде, развитие идет непрерывно, хотя, конечно же, древнейшие изображения резко отличаются от поздних.

Сначала лоси и олени показаны идущими или стоящими, с расчлененными телами: вертикальные линии, геометрические фигуры, возможно, передают шерсть, иногда детали тела жертвенного животного. На смену единичным фигурам приходят сцены охоты, но не ординарной, а мифической: огромные олени и быки с расчлененными телами, преследуемые десятками собак, окружены мелкими фигурами оленей, быков и козлов. На этом этапе изобразительного искусства олени показаны на длинных вытянутых ногах (как бы в позе жертвенных животных), с длинными птичьими клювами, но еще с вертикальными стволами рогов. Та же идея охоты на фантастического зверя с птичьим клювом сохраняется в конце эпохи бронзы, трансформируясь следующим образом: олень имеет длинное тело, заполненное десятками квад-

ратов, длинные вытянутые ноги и, что особенно интересно заметить, уже ветвистые рога, простирающиеся вдоль всего тела. Ветвистые рога, клювообразная морда, горб на преувеличенно вытянутом теле — все это выдает то новое, что станет каноном в искусстве скифского времени. Тот же канонический образ скифского оленя высечен на сотнях оленных камней.

Итак, в центре Азиатского материка, на той единственной территории, где стоят сотни оленных камней (не встречающихся в остальных ареалах скифского мира), удастся отныне проследить становление одного из элементов «звериного стиля» — формирование знаменитого скифского оленя. В течение более тысячи лет с эпохи энеолита до бронзового века на территории Центральной Азии шел процесс становления этого канона. Если скифский олень может быть назван каноном, то изображение животных в эпоху развитого бронзового века (карасукский период, или период колесниц) можно считать в искусстве периодом протоканона, который выражен в частичной символизации образов. На металлических кинжалах и ножах изображены олени, бараны и козлы с огромными ушами, глазами и рогами, а среди петроглифов протоканон выражен описанными выше оленями, быками и другими копытными с длинными телами, заполненными пятнами, вертикальными полосами, квадратами и ромбами. Этот протозвериный стиль в наскальных рисунках мы назвали условно декоративным. А выделив этот декоративный стиль, мы получили возможность легко проследить в нем истоки, элементы «звериного» и, следовательно, предположить, что «звериный стиль» складывается здесь еще во II тысячелетии до н. э.

Являясь исконно центральноазиатским направлением в искусстве, «звериный стиль» именно здесь сохраняется в течение многих веков и даже тысячелетий. В хуннскую эпоху на поясных бляхах и украшениях изображали сцены терзания хищниками оленей и лосей, сцены жертвоприношения (о чем можно судить по материалам из раскопок П. Козлова, Ц. Доржсурена и Д. Наваана, А. Давыдовой и др.). Традиции этого стиля фрагментарно прослеживаются и в древнетюркское время, и в средневековом искусстве. Очень интересны изображения коней в оленных масках с рогами среди поздних петроглифов (XIX—XX вв.), обнаруженных нами в окрестностях города Кобдо.

Древнейшие доламаистские культы *, мотивы и стили и поныне сохраняются в народном творчестве Монголии. Об этом можно судить не только по музейным экспонатам. На переправе через реку Селенгу до конца 60-х годов нашего века служила деревянная лодка-долбленка (в настоящее время заменена паромом). Высокий нос этой лодки представлял собой две огромные стилизованные морды коней, более всего напоминавшие морды коней на бронзовых навершиях ножей и кинжалов бронзового века.

В традициях «звериного стиля» выполнены многие работы современных народных мастеров Монголии. Это предметы быта, вырезанные из дерева: ковши и черпаки для воды и кумыса, музыкальные инструменты. Детали поясных наборов с ножами украшены головами хищных птиц и коней. Конский убор с удилами, седлами, стремянами до сих пор оформляется орнаментом, впитавшим элементы «звериного стиля». Серебряный крючок для чистки курительной трубки порою изображает коготь и глаз хищника.

Назначение орнамента на бытовых предметах, сопровождающих кочевника в повседневной жизни, сохраняется по существу неизменным на протяжении многих веков; каждый орнамент всегда имеет смысловую связь с предметом, будь то узор на двери юрты-гэра, на войлоке, на деревянном сосуде, кожаном сосуде для кумыса или на сапоге-гутуле. Скотоводы знают значение орнаментов и их семантику. Так, на деревянных, кожаных предметах обычно повторяется зооморфный сюжет, превратившийся в орнамент «эвэр хээ» — роговой. Он характерен для чепраков и седел. Мотивы современных художников порою повторяют основные элементы «звериного стиля»: сцены борьбы зверей, переплетенные головы двух верблюдов или коней, свернувшийся в кольцо хищник. Изображением коней с переплетенными головами чаще всего украшены удила; зубастые пасти хищников венчают верх стремени; стилизованные кони являются грифом струнного инструмента морин-хура.

Все эти предметы, бытующие в юртах аратов сегодня, представляют очевидный интерес еще и потому, что они

* Имеются в виду те культы, которые были распространены в Монголии в древности, задолго до проникновения и распространения на этой территории ламаизма.

позволяют реконструировать исчезнувшие формы древнего искусства. Естественно, традиция изготовления предметов «звериного стиля» из дерева, кости, кожи, бересты и войлока некогда была очень развитой. Сохранились лишь единичные находки деревянных и костяных предметов, выполненных в скифскую эпоху, но ведь именно такого типа изделия, в большинстве своем не дошедшие до нас, составляли основную массу общенародной культуры.

Традиции «звериного стиля» наиболее четко прослеживаются в аймаках, отдаленных от центра страны, в высокогорных стойбищах — айлах Прихубсугулья, в полупустынных гобийских районах. Мастер знал семантику и назначение древних орнаментов, хотя и не предполагал, как это выяснилось из разговора, сколь глубока древность продолжаемого им искусства. Он делал так, ибо так делали его отцы и деды, ибо иного декора для вещей повседневного быта скотовода он просто не представлял. В этом, быть может, и скрыт секрет древнего стиля, его жизненности и правдивости. В этом более всего убеждают работы гобийского мастера Гочоосурэна.

МАСТЕР ГОЧООСУРЭН

Проехав Монголию с севера на юг, мы спустились с горных лесных перевалов и оказались сначала в зеленой безбрежной степи, а через день — в каменистой Гоби. Об этой удивительной стране, которую монголы называют «говь», у нас бытует масса различных и, как правило, одинаково неверных представлений. Нельзя, например, назвать гоби бесплодной. На маленьких ягодках в гобийском сомоне Бэгэр настаивается коньяк, в гобийских горах и ущельях пасутся стада диких баранов — архаров и коз, степные просторы пересекают табуны куланов и стайки антилоп. В общем, убедиться в том, что Гоби вовсе не безжизненная пустыня, не так уж трудно, стоит лишь раз там побывать. Здесь живут удивительно гостеприимные люди. В Гоби кочует и мой старый друг

дархан Гочоосурэн — мастер по серебру и по коже, резчик по дереву и скотовод, знаток монгольских традиций и депутат аймачного народного хурала.

Мы встретились несколько лет назад, и встречу эту в степи, пожалуй, нельзя назвать случайной.

ПО СЛЕДАМ
МАСТЕРСТВА

Мы ехали тогда от Мандалгови — центра Среднегобийского аймака — по песчаным холмам среди причудливо выветренных оранжево-фиолетовых скал, напоминающих центральноамериканские ландшафты. Вокруг — ни души, лишь изредка встречались колодцы с корытами для водопоя, еще реже — юрты. Чтобы узнать дорогу, остановились у стойбища — айла. К вбитым в землю колышкам привязаны были две оседланные лошади. Мое внимание привлекло одно из седел, окованное серебром. Эта окантовка была изукрашена стилизованными изображениями верблюжьих голов на длинных косматых шеях. Тот же мотив — на стремянах и удилах. И на восьми серебряных бляхах седла выбиты замысловато перевернутые шеи и взлохмаченные верблюжьи головы. От изображений повеяло ветром тысячелетий. Неужели это седло сделано недавно?

Из юрты степенно выходит хозяин. В Гоби всегда радуются гостям, а кочевнику еще приятно и то, что его седло оценили по достоинству.

— Да, седло это во много раз дороже самого коня. А сделал его известный мастер — дархан Гочоосурэнгуай, что живёт в соседнем сомоне Ульзит, к северу от длинной гряды скалистых гор. Спросите, и вам любой скажет, как найти Гочоосурэна.

Посоветовавшись, мы дали крюк в нашем маршруте, чтобы найти удивительного мастера. И правда, отыскать его оказалось несложно, ибо в огромной пустыне след таланта обнаружить легче, чем отыскать табун коней или отару овец. Мы ехали по следам работы Гочоосурэна. На следующий день остановились на ночлег у одинокой юрты. Хозяин ее — Даваацэрэн — ждал нас

у входа, и мы зашли поговорить за чашкой чая. Хозяйка подала ароматный чай с молоком и солью в дорогой серебряной пиале, предназначенной для самых торжественных случаев.

Когда в Монголии угощают дорогих гостей чаем или молочной водкой, то обычно подносят напиток в серебряной пиале, ибо чистота серебра и его цвета символизируют чистоту чувств хозяев. И подносящий и принимающий держат пиалу двумя руками. Я беру пиалу двумя руками, с удовольствием утоляя жажду. На донышке пиалы между деревянной основой и серебряной окантовкой была вставлена круглая вращающаяся серебряная же бляха с орнаментом из голов верблюдов, свившихся шеями. Так мы заочно встретились с Гочоосурэном во второй раз. А наутро хозяин показал нам кратчайший путь в сомон, где живет мастер. Он и сам поехал бы с нами, но готовился к осенней кочевке. Дело в том, что гобийский айл к зиме обычно перебирается на юг, где меньше снега и скоту легче прокормиться. Тщательно, по строгим законам, унаследованным от дедов и прадедов, снаряжается караван.

Даваацэрэн поясняет:

— Очень важно, чтобы тюки были строго уравновешены. Да верблюд и сам не сдвинется с места, если его навьючить неправильно.

Уже говорилось, что, встречая в пути караван верблюдов, в качестве приветствия монголы говорят: «Хорошо ли уравновешены ваши вьюки?»

Каждый раз, когда я вижу сборы каравана, удивляюсь: как можно помнить столько видов вьюков! А неторопливые и немногословные монголы справляются с этой работой легко и быстро: ведь большую часть жизни арат проводит в седле и в пути. Гочоосурэн, по следу которого мы едем, тоже кочует. Еще вчера он был дома, а сегодня уехал из сомонного центра. Это мы узнали от его соседа-старика, что сидел, раскуривая длинную трубку. Чубук трубки был украшен затейливыми фигурами и золотыми насечками. Внимательно прислушиваясь к моим вопросам, старик чистил трубку серебряным сэтгуром — специальным массивным крючком в виде птичьего когтя с глазом у основания. Нет сомнений, перед нами опять работа того же мастера. Те же символы и та же стилистическую манеру мы видели в музеях на древних мечях и трехтысячелетней давности кинжалах эпохи бронзы.

И те же сюжеты были выбиты на каменных монументах, высящихся в монгольских степях две с половиной тысячи — а может, и больше — лет.

В стороне от дороги, на краю широкой пустынной долины, у подножия сиреневых гор стоит юрта. У ее входа, скрестив ноги, сидит худощавый стройный старик в бобровой шапке. На коленях у него седло, и, сжав в руке какой-то замысловатый инструмент, он колдует над ним. Это и есть Гочоосурэн. После всех принятых в таких случаях приветствий мы наперебой рассказываем, что едем по его следу, что нас интересует искусство Монголии, что очень хотим посмотреть его работы.

— Я-то здесь в гостях у брата, и все мои работы, трафареты и инструмент остались дома. Засиделся я в гостях. Поеду-ка с вами, а по дороге покажу вам интересные рисунки на скалах — без проводника вам их не найти.

Мы с Гочоосурэном сели без лишних слов в машину и направились в горы, чтобы поспеть засветло.

В безлюдной гобийской степи лучшего проводника, чем Гочоосурэн, трудно и пожелать. У него вдвойне зоркий глаз — скотовода и художника.

— Смотри! Куланы! Сейчас они спустятся нам наперез. Вот так их и надо рисовать!

Любимые образы старика: верблюды, кони, дикие козлы, наверное, потому, что этот мир животных окружает его семь десятков лет. Может, потому, что так же рисовал и резал по дереву и кости еще его дед. А может быть, потому, что, как и все скотоводы, часто видел он борьбу зверей, и сцены эти, живые и динамичные, так и просятся на рисунок или орнамент.

У Гочоосурэна тоже немало вопросов к нам. Ему давно хотелось узнать, кто и когда выбил на скалах изображения летящих оленей с птичьими клювами вместо морд. Оказывается, он и раньше подолгу сиживал у «писаных скал» (а их в Гоби не перечесть). И все же он очень удивился, когда узнал, что эти кони, олени, куланы, барсы и рыси, пожирающие куланов, высечены на скалах более двух с половиной тысяч лет назад. Этот стиль был характерен для искусства древних. Рассказываю Гочоосурэну, что сложилось это направление в искусстве в начале I тысячелетия до н. э., почти одновременно с формированием кочевых обществ в степных и горно-степных зонах Европы и Азии. От гобийских полупустынь через

Тибет, Туву и Алтай до Иранского нагорья, Казахстана, Средней Азии вплоть до калмыкских и южнорусских степей и Дуная распространилось это искусство, так же органично связанное с просторами, как протяжная песня кочевника. И само искусство старого мастера, простого скотовода-арата, — серебряные бляхи, орнаменты в виде оленьих рогов, тисненые по коже, кованые стремяна и удила — впитало в себя традиции глубокой древности.

НАДОМ

Прошло четыре года, и вот мы с Алицией Шинкевич, польским историком, снова в гобийских просторах. Кажется, что теперь, когда мы знаем, где живет Гочоосурэн, найдем его без труда. Однако мастер не любит сидеть на одном месте, он перекочевал. Но и найдя аил Гочоосурэна, мы не застали его дома.

— Уехал, — сказала нам его сестра, — с раннего утра оседлал самого красивого буланого коня и поехал в сомон на надом.

Так мы оказались на гобийском празднике.

Надом (от монгольского слова «надах» — играть, веселиться) — древний традиционный праздник. Его устраивали летом, когда кумыса в изобилии и можно отблагодарить духов гор, степей и лесов, задобрить их. Поделившись с духами кумысом и мясом, люди исполняли ритуальные танцы, а потом состязались в искусстве стрельбы из лука, в борьбе и конных скачках.

В нынешней Монголии надом стал традиционным государственным праздником, и отмечается он 11 июля в честь народной революции. Но в Гоби в июле слишком жарко, надом здесь отмечают в сентябре, в лучшее время года.

...На высоком холме на окраине сомона собирались большой живописной группой люди. Мы подъехали в тот момент, когда все ждали возвращения всадников. Участники скачек — семи-восьмилетние девочки и мальчики в ярких халатах — дэлах, расшитых древним орнаментом. Они уже прошли большую часть пути и повернули

обратно. Впереди показалась совсем маленькая девочка. Ее, как и всех победителей, ждут старинные песни-восхваления и главная награда — сверток шелка, расшитый драконами и символами счастья и долголетия. В монгольских скачках побеждает не столько ловкость молодых наездников, сколько выучка коня. Не потому ли песню-гимн посвящают не победителю, а его коню:

Самый лучший из тысячи,
самый выносливый,
Он выбирает самый верный
путь,
У него самое острое зрение
и чуткий слух.
Камни летят из-под ног его.
И всегда он будет первым,
сильным и быстрым.

О лучших конях веками слагаются легенды и песни. Они не были записаны, но пришли в сегодняшний день из далекой старины, исполняемые из поколения в поколение дедами и отцами. А наиболее популярная песня «Лучший из тысячи» родилась так. Летом 1697 г. халхасский князь — нойон Долнуур устроил праздник всех семи княжеств (то есть всей страны) и созвал лучших борцов, стрелков и наездников. Среди богатых и знатных участников, пригнавших табуны скакунов, оказался бедный арат Бонгор, у которого и был-то всего один конь. Нойоны подняли его на смех: что толку от одного коня! И не знали они, как много труда вложил арат в тренировку своего единственного скакуна. А когда кончились скачки, то все увидели, что первое место занял именно этот единственный конь Бонгора — первое место среди 1400 участников! И тогда певец Билэгдорж сложил и пропел в честь победителя песню — магтал «Лучший из тысячи». С тех пор не было года и не было праздника, где бы не исполнялась эта песня. С нее начинаются скачки, и ею приветствуют победителя. В песню народ веками вплетает новые слова и строки, но по-прежнему славят монголы быстроту и выносливость, обращаясь к коню со словами любви и восхищения.

Пока гобийцы ждали победителей, я пыталась найти среди сотен людей своего старого друга. В густой толпе это оказалось невозможным. Тогда я подошла к коновязи и стала осматривать седла и узды. И нашла красивого буланого коня под знакомым седлом с серебряными бляхами, украшенными головами борющихся верблюдов.

— Скажите, это конь Гочоосурэна-гуая? — спросила я у сидящих поблизости стариков.

Те с готовностью закивали.

— А где же сам мастер?

Один другому, как по цепочке, передают люди имя Гочоосурэна. И мне навстречу торопливо идет своей легкой походкой старый мастер...

Гочоосурэн торжественно нас представил. Старики удовлетворенно защелкали языками, сообщая друг другу новость: две женщины (одна — из Москвы, другая — из Варшавы) приехали в Гоби к нашему мастеру на праздник.

После скачек мы идем в юрту к племяннику Гочоосурэна, угощают нас печеньем-борцигами, сливками, урюмом, сушеным творогом-арулом и, конечно, кумысом. В юрту как будто перекочевал весь сомон, и вместе с ним соревнование, кто больше выпьет кумыса. Мы сдаемся после первой же литровой пиалы. Моя польская коллега Алиция Шинкевич в отчаянии, а тут еще сын хозяина — молодой человек в джинсах и темных очках — замечает, что, отказавшись от угощения, гость обидит всех:

— Вы, наверное, этнографы и должны знать наши обычаи...

Нас спас Гочоосурэн:

— Что ты знаешь, малыш, о традициях? Ты привез из далекого города и института новые хорошие привычки, но ты смотришь на степь и на солнце сквозь черные очки. А мы не видим твоих глаз. Традиции... Я попрошу тебя зарезать барана, а ты не сумеешь, я спрошу тебя, как называется рисунок на моих сапогах-гутулах, ты не знаешь. Ты выучил языки других народов, но не умеешь читать и писать по-старомонгольски, а ведь мудрость многих поколений, трактаты по народной медицине и старинные легенды — все это скрыто за завитками старомонгольского письма. И ты еще говоришь о традициях? Что же твои традиции — на дне пиалы с кумысом?

Старики одобрительно закивали, а разгоряченный Гочоосурэн встал, обращаясь к нам:

— Вы хотели посмотреть мои новые работы? Поедем сейчас же, до моего айла всего километров семьдесят, дотемна успеем. А то засиделись без дела. Завтра к состязанию борцов вернемся. И не обращайтесь внимания на парня. Он много читал и много видел, но у него еще не было времени думать.

...Наутро мы вернулись на праздник, а еще через день попрощались с Гочоосурэном — нас ждали раскопки, и мы должны были продолжить долгий путь через Гоби.

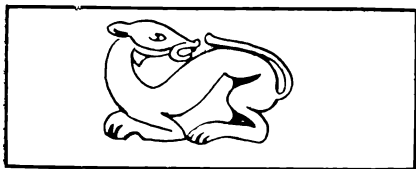
Последняя напутственная чаша кумыса.

— Пусть ваш конь выбирает самый верный путь! — торжественно говорит Гочоосурэн.

И окропляет верного нашего коня — машину — кумысом.

Покинув гостеприимный край Гоби, мы направились на север в столицу, ибо иссякли запасы фотопленок, бензина и пора было собираться домой.

Но совсем неожиданно сменили маршрут, и вот мы снова едем на север и карабкаемся по горам Хангая.

ЧУЛУУТ — ДОЛИНА
ПЕТРОГЛИФОВ

— Да будет ли когда конец этому перевалу? — риторические возгласы нашего измученного водителя Якова Ивановича Здонова с трудом прорываются сквозь надрывный рев мотора. — Да будь моя воля...

Как бы поступил Яков Иванович, будь его воля, я не расслышала. Но уверена — все было бы так же, ибо эту тряскую горную дорогу, буквально усеянную глыбами и валунами, все мы выбрали в дополнение к утвержденным планам экспедиции по собственной воле. Выбрали несколько дней назад в улан-баторской гостинице, где иркутский геолог П. В. Коваль и его товарищи рассказали нам об увиденных ими в маршруте изображениях козлов и баранов, коней и всадников, выбитых на скалах каньона реки Чулуут, по ту сторону перевала Хамар-дабан в Хангайских горах.

За годы работы нашей советско-монгольской историко-культурной экспедиции было открыто много центров наскальных изображений. На археологическую карту Монголии были нанесены петроглифы скифского, хуннского, древнетюркского времени. Мы видели даже палеолитические рисунки охрой — мамонта и... страуса. Долгие годы не встречали рисунки эпохи бронзы, однако

изображения запряженных колесниц заполнили и этот временной пробел.

Но самым неизведанным периодом в изучении древнего искусства Монголии оставалось творчество людей эпохи неолита и энеолита. А судя по описаниям геологов, за Хамар-дабаном на чулуутских скалах, весьма вероятно, оставили свой след племена именно этой эпохи. И решение пробиваться туда было принято членами нашего отряда сразу же и, естественно, добровольно, а Яков Иванович яснее других представлял себе, что нам предстоит испытать.

...Наконец-то выше нас только небо. Мрачное, ветреное, по-осеннему неуютное. Вокруг — первозданная безжизненность. И дорога, круто падающая в хаос скал, кажется отсюда бесконечной...

— Ну, теперь-то все и начинается, — вроде бы даже с удовольствием потер руки Яков Иванович.

Мы выкатились на базальтовую террасу, сложенную гигантскими монолитами, на которых в косых лучах заходящего солнца сквозь густую и темную патину времени проглядывали силуэты древних рисунков. Первая мысль — мы нашли не те рисунки, о которых рассказывали нам геологи. А значит — уцепилась за эту мысль надежда, — геологи видели лишь часть наскальных рисунков Чулуута, что, может быть, вообще здесь, в чулуутском каньоне, не известный еще науке очаг древнего искусства Монголии.

...Так, три года назад началось это открытие. Три поисковых сезона метр за метром обследовали мы скалы каньона. И теперь можно сказать, что надежда первого дня оправдалась.

Мы поднимались вверх по Чулууту, и от камня к камню, от одного скального навеса к другому, то прямо перед глазами, то на головокружительной высоте над стремниной разворачивалась перед нами почти непрерывной панорамой тысячелетиями собиравшаяся грандиозная картинная галерея. Менялись стили и сюжеты, техника нанесения рисунков и персонажи, отражая смены поколений и эпох, но незримо прочерчивалась перед нами единая, пронизывающая тысячелетия общая мысль чулуутской каменной летописи — мольба о продолжении жизни племени, рода, природы.

На том первом камне мы увидели необычную композицию — семь женщин, вытянувшиеся в ряд, как бы об-

разовали хоровод. Они различаются головными уборами, но сходны позыми — у всех широко расставлены согнутые в локтях руки. И главное — все они изображены рожающими или родившими. Во главе этого «хоровода» — роженица с большими оленьими рогами. Перед нами была иллюстрация к древним сибирским и монгольским преданиям о матери-оленихе, давшей начало роду Чингисхана. А рядом такое изображение, подобного которому мы нигде никогда не видели: несколько женских силуэтов, высеченных один под другим.

Причем каждая последующая фигура как бы рождается от предыдущей. Это вертикальная пирамида, составленная из женских фигур, аналогичных только что описанным, но выстроенных вертикально. Верхняя женщина показана в шляпе с широко расставленными руками, согнутыми в локтях. Две точки под мышками обозначают груди. Ноги верхней фигуры, широко расставленные и согнутые в коленях, являются в то же время руками следующей роженицы. (Этот прием характерен для петроглифов Монголии: часто животные, связанные единой композицией, как бы продолжают один другого, то есть хвост первого переходит в рога второго и т. д.) Не трудно заметить, что уже под руками второй (которые, как мы выяснили, являются ногами первой) показаны две точки — груди второй женщины. Третья женщина в этой композиции показана тоже с двумя точками груди и ногами, согнутыми в коленях. Как видим, перед нами троекратно повторена идея женщины-матери. А между ног последней показан ребенок — самое последнее поколение — будущее рода.

Восхищает простота и ритмичность передачи образа, трактованного просто, без лишних деталей. Кажется даже невозможным передать идею матери-прародительницы более четко и лаконично.

В целом вся композиция представляет собой воплощение одного из древнейших мифов первобытного человека, обожествившего женщину-мать. Причем художник показал идею, сначала продемонстрировав ее в пространстве, а ниже развернул ту же идею во времени: от прабабушки до правнучки.

На плоскости камня древний мастер изобразил время, время жизни поколений своего рода. Своеобразное дерево жизни демонстрирует женщин, живших не одновременно, но связанных неразрывными узами прямого

родства (рождения) и воплотивших в себе начало и смысл жизни в рамках всего рода. Для древних людей, как видим, не было проблем в одновременном изображении синхронных и диахронных явлений.

Три года понадобилось мне, чтобы скопировать, сфотографировать, а затем и расшифровать этот рисунок. Но без его прочтения было бы сложно или почти невозможно понять и многие остальные ритуальные рисунки древнейшего периода на скалах Чулуута.

Если спускаться вниз по реке от излучины с роженцами, то на том же берегу реки нетрудно заметить огромный камень, покрытый изображениями быков, баранов и других копытных. В самом укромном углу, в щели, всегда находящийся в тени рисунок изображает рожаящую женщину и двух баранов. Рядом две геометрические фигуры, схематически повторяющие вертикальные изображения матерей — предков рода. Очевидно, на площадках перед такими камнями с рисунками устраивались сакральные праздники или моления, приносились в жертву животные (возможно, и люди), а жрецы или шаманы просили предков и тотемов о защите рода, о продолжении потомства, плодородии скота и всей природы.

О том, как совершались таинства и ритуалы, известно немного. Но вот среди чулуутских петроглифов мы обнаруживаем новые сюжеты. Правда, добраться до них можно лишь на лодке, переправившись через реку, ибо рисунки выбиты на правом отвесном берегу. Их немного, но о каждом можно было бы рассказывать особо. Поросший густым кустарником и покрывшийся многовековым лишайником, скрывающим часть уникального изображения, особняком стоит большой базальтовый валун. На двух его сторонах выбиты своеобразные фигуры, очевидно связанные единым сюжетом: маска для ритуального танца с ручкой внизу, с бараньими рогами и трехконечной антенной, змея и баран, непонятное изображение, похожее на фикус, и далее снова маска, но на этот раз с медвежьей мордой. Можно предположить, что находимся на древнем святилище, где рядом с рисунками совершались танцы в масках с заклинаниями и гимнами. А рисунки лишь часть большого и сложного ритуала. Маскарад и маски были непременным его атрибутом. Характерно, что в маскараде, уходящем корнями в глубокую древность, первоначально участвовали маски животных (тотемных, священных и т. п.). В нескольких

метрах от камня с масками мы нашли плиту с простым и ясным (казалось бы) рисунком — пятнистые животные с бычьими телами и рогами. Можно допустить, что это пятнистые быки, но вот там же на Чулууте мы обнаружили более сложное и фантастическое животное с телом быка, рогами горного барана и, кроме того, с оленьими рогами над хвостом. Бык показан в пятнистой шкуре оленя. Маскировка быка под оленя встречается неоднократно и отражает, очевидно, следы древних верований и культов. Даже древняя кочевка на быках сопровождается изображением рогов оленей на спинах животных. Тотемные предки рода, оберегающие и защищающие, неизменно сопровождали первобытного человека в течение его суровой, полной опасностей жизни. А древнейшими вместилищами душ этих тотемов на ранней стадии были именно зооморфные фигуры и онгоны, и лишь на следующем этапе их сменили антропоморфные изображения. Возможно, с этими тотемными изображениями и связаны маски медведя, барана, высеченные рядом с роженицами, и быки в оленьих шкурах с оленьими рогами.

Несмотря на находку этих ранних петроглифов, мы не были удовлетворены, ибо все еще не добрались до тех рисунков, копии которых были сделаны геологами. В поисках исследуем берега и террасы Чулуута, изобилующие изображениями, большими сюжетными и разрозненными, но это все еще не те. Двигаясь вверх по течению, добираемся до еще одной излучины, где река зажата между отвесным берегом с одной стороны и живописным мысом с ровной площадкой — с другой. Именно здесь на отвесных скалах (столь крутых, что копировать рисунки очень сложно. А каково-то было их высекать!), обозримых только со стороны реки и расположенных напротив сегодняшнего временного лагеря геологов, ими были открыты удивительные композиции. Темный цвет патины — свидетельство глубокой древности — скрывает рисунок, проявляющийся как по волшебству четким силуэтом только вечером и ненадолго, когда косые лучи заходящего солнца удлиняют тени едва различимых рельефов. Тогда можно различить изображения трех пар жрецов или шаманов и одной пары быков (или туров). Мужские фигуры показаны в профиль, в движении танца, с согнутой в колене ногой, поднятой рукой и какими-то музыкальными инструментами. От треугольной шляпы

и рукавов свисают полосы бахромы совсем как на шаманском плаще.

Фигуры, названные нами женскими, все переданы анфас с молитвенно поднятыми согнутыми в локтях руками и с широко расставленными, согнутыми в коленях ногами. Позы повторяют фигуры рожениц, и напоминают в разных вариантах вертикальную зарисовку матери-прародительницы во многих поколениях. Возможно, что подобный символ на поздних шаманских плащах тоже связан с культом плодородия, а не является изображением ребер шамана, как думают некоторые ученые.

И мужские, и женские фигуры показаны совершенно не случайно трехпалыми (три пальца не только на руках, но и на ногах). Причем они не похожи на пальцы руки, а скорее — птичьи лапы. Именно этот элемент был широко распространен в первобытном искусстве. Птичьи головы, лапы и маски отражали одну из характерных черт древних мифов, где с птицей было связано представление о небе, о душе, о верхнем мире Вселенной.

Рисунки, открытые в Монголии, не являются исключением, хотя сама трактовка образов весьма необычна.

В петроглифах Евразии трехпалые антропоморфные божества встречены от Скандинавии и Карелии вплоть до Индии. И дата их — неолит — начало энеолита.

Очевидно, это то самое недостающее звено в цепи открытий яркой древней истории Монголии, где большая часть ритуалов и жертвоприношений древних обитателей Чулуута была связана с культом плодородия. Вопрос о смысле жизни и смерти, о происхождении жизни и рождении человека существовал всегда, был неразрывно связан с происхождением искусства у всех племен на всех материках. Не потому ли первые расшифровки этой темы связаны с пещерными росписями палеолитического художника.

Перебираясь со скалы на скалу, пройдя десятки километров, обнаруживаем, что в монгольских горах, на Хангае сюжет с антропоморфными фигурами достаточно стандартен и повторяется неоднократно и все время в одном контексте: рядом с быками, копытными и иногда с масками. И вот наконец-то мы поняли смысл той фантастической фигуры, которую мы называли первоначально фикусом. Это не что иное, как схематическое изображение женщины с руками, поднятыми вверх, к голове, увенчанной огромными оленьими рогами. Итак, снова

образ матери-оленихи, но уже претерпевший стилистические изменения.

Фигуры быков-туров, сопровождающие на петроглифах полулюдей-полуптиц, заслуживают специального внимания. Ведь иногда они показаны парящими выше солнца, иногда с рогами в виде луны, один раз со звездой над головой. Еще, быть может, рано анализировать их символику детально, но нельзя не признать, что самый темный период центральноазиатского искусства (конец неолита — начало энеолита) заполнен большой серией уникальных рисунков, воплотивших в себе миф каменного века — идеологию родового строя.

Конечно же, чулуутское святилище существовало много лет и даже много веков. На 120 с лишним километров протянулись базальтовые выступы террас, с россыпями огромных валунов (результат извержения вулкана Хорог, происшедшего примерно 5500 лет назад), сплошь покрытых рисунками разных эпох.

В эпоху древних колесниц на базальтовых поверхностях камня древние люди высекали не только животных предков и матерей-прародительниц, но и мужчин (героев складывавшегося героического эпоса на основе древнейшего мифа). Воины и охотники — вот новый персонаж петроглифов эпохи бронзы — времени воинственных людей, сражений, когда власть в роде перешла в руки мужчин. Они показаны с луками и стрелами, с боевыми топорами и, возможно, даже в доспехах. Они управляли колесницами, еще не знали седла и узды. На многих рисунках воины показаны в грибовидных шляпах или в головных уборах с пером.

Если кони запряжены в колесницы, то бык часто показан с ярмом. Образ оленя занимает много места в рисунках, равно как он занимал воображение художников и воинов. Интересная сцена посвящена охоте с собаками на огромного мифического оленя. Этот олень изображен с двумя вертикальными стволами рогов и геометрическими фигурами, заполняющими его тело.

Наше путешествие по реке Чулуут только начинается. И хотя удалось уже приоткрыть завесу 5000-летней давности и заглянуть в сложный и неведомый мир первобытных людей, самое интересное бесспорно впереди. Мы с нетерпением ждем нового сезона, новых поисков и перевалов, маршрутов в мир древних обитателей высокогорного Хангая.

Столица Монголии — Улан-Батор

Праздник в Гоби

Озеро Терхин Цаган-нур
Гобийский мастер
Монастырь в Улан-Баторе (в настоящее время музей)

Интересная беседа
Корабли пустыни
Вход в музей Ундер-гэгэна

Скала с древними рисунками из Аршан хада (наверху их прорисовка)

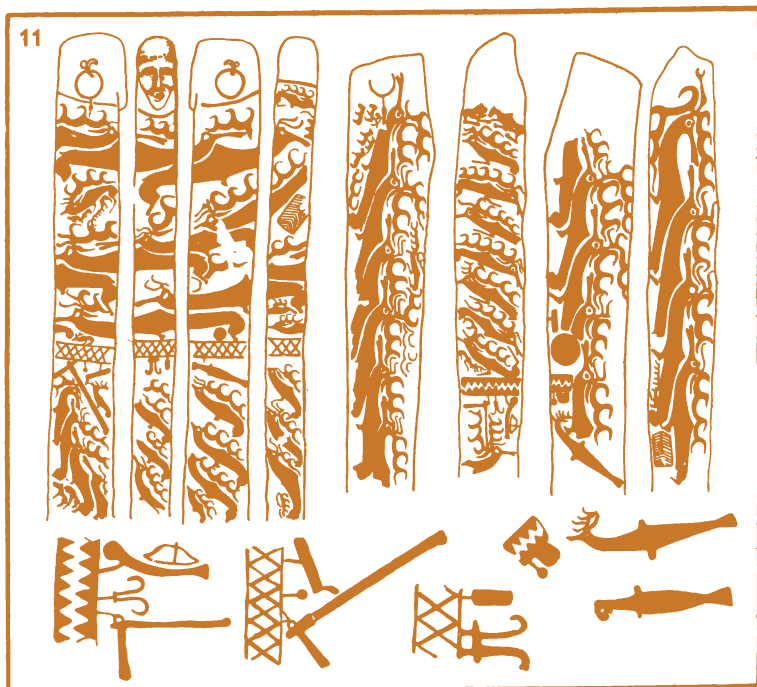
9

10

Оленьные камни — памятники предкам. Начало I тысячелетия до н. э.

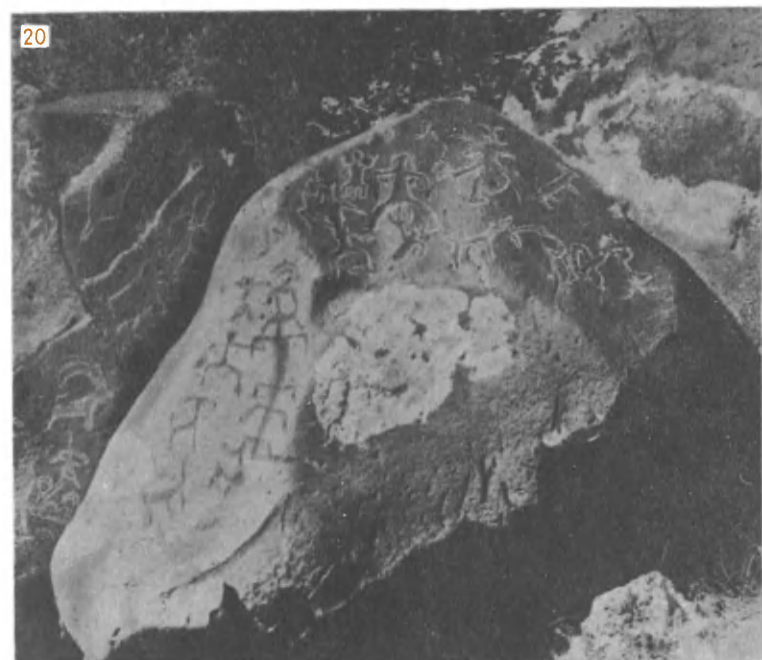
Петроглифы эпохи бронзы
Петроглифы эпохи палеолита
Петроглифы эпохи энеолита

Гимн успешной охоте
Охотники с луками (эпоха бронзы)

Выбитый на реке Чулуут миф о матери-природительнице

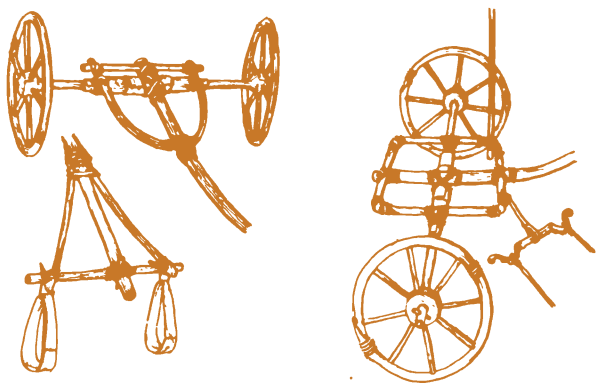

Петроглифы скифского времени из Гоби

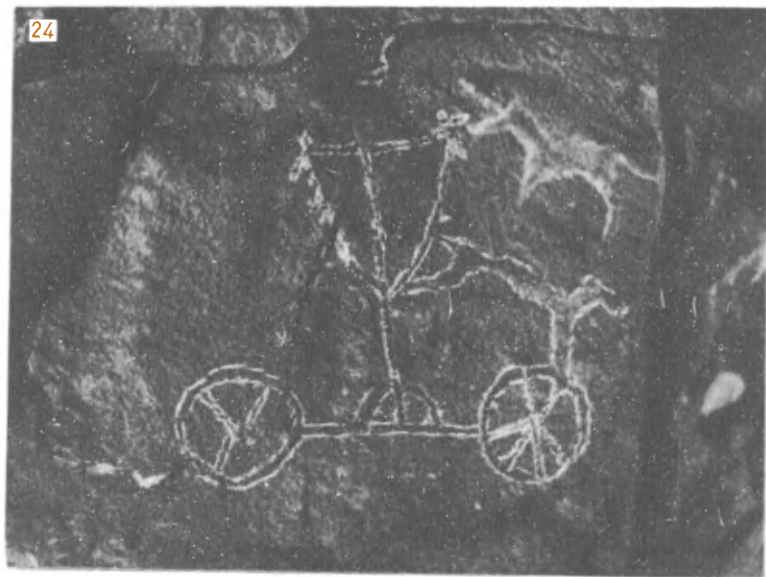

Колесницы древней Монголии (середина II тысячелетия до н. э.)

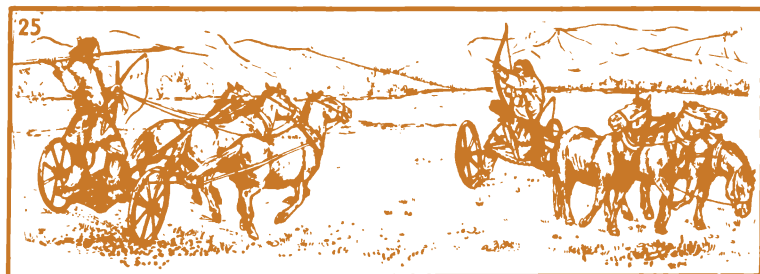
23

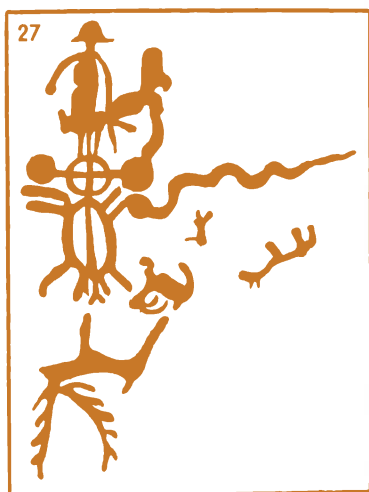
24

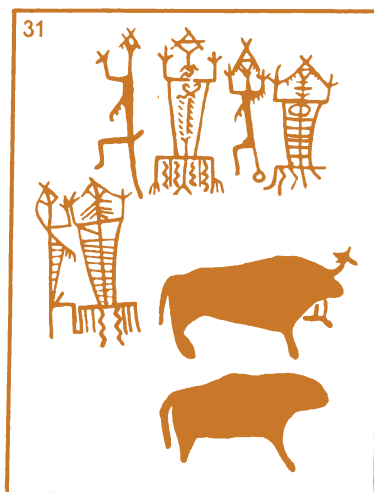
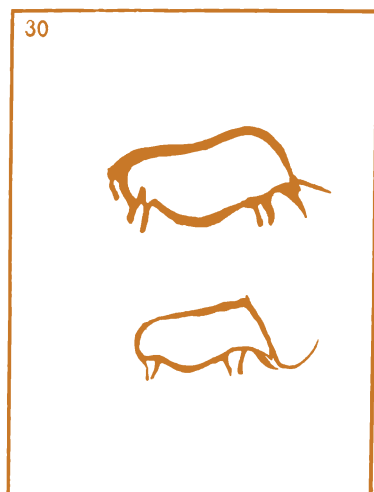
Сражение на колесницах, выбитое в горах Ховдсомона.

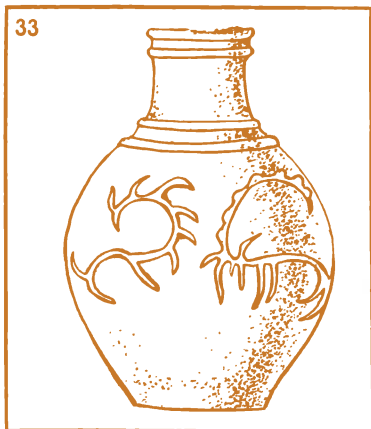
Древняя легенда о герое-змееборце
Сцена охоты
Олень — символ солнца

Быки на скалах Аршан хада. Эпоха каменного века
Ритуальные танцы эпохи энеолита. Река Чулуут.
Рисунки эпохи бронзы

Сосуд из Улангомского некрополя
Голова древнетюркского полководца Кюль-тегина
Вход в монастырь Гандан

«Звериный стиль» Монголии. Бронзовая поясная пряжка эпо-
хи хуннов. Бронзовый нож эпохи бронзы
Маска эпохи древних тюрков

36

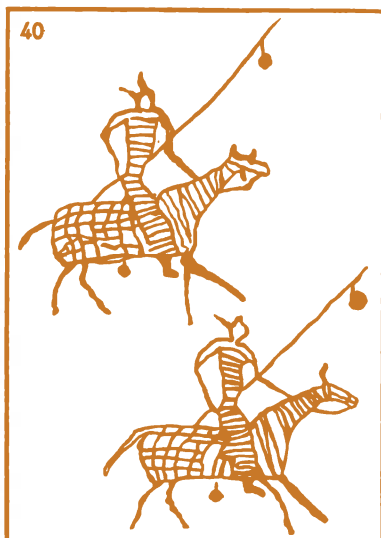
37

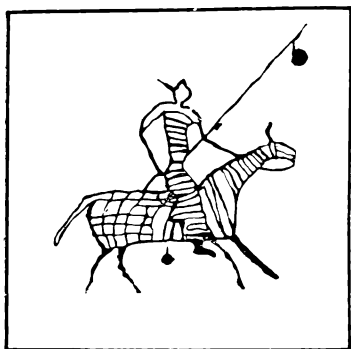

38

Катафрактари. Рисунки на скалах и их реконструкция
(М. Горелик)

ВЕЛИКОЛЕПНЫЕ КАТАФРАКТАРИИ

Но не только Хангай, как мы уже знаем, богат удивительными рисунками древних. В тот год, о котором пойдет речь, наш отряд держал курс снова на Монгольский Алтай. Мы хотели обойти его с юга и, пересекая хребет несколько раз, двигаться на запад.

— Ехать в Заалтайское Гоби на одной машине в таком малочисленном составе невозможно, — решительно заявил наш монгольский начальник Сэр-Оджав.

— Напрасно сомневаетесь, — успокаивал Сэр-Оджав лингвист и тюрколог Шинэхуу, — ведь надо же когда-нибудь рискнуть. Ну да, мы действительно хотим забраться в глухие места. Ничего, не пропадем... Не забывайте, что там моя родина. В кузове два студента, в кабине, кроме Бориса Булатова — шофера экспедиционной автобазы Академии наук СССР, Шинэхуу и я.

Борис работает в Монголии не первый год, но по этому маршруту едет впервые. Он полон оптимизма:

— Я привык к бездорожью в Средней Азии, въедем на любую гору, зря вы тащите седла и уздечки... А что, собственно, вы хотите там найти?

— «Мы ищем то, что не теряли», — отвечаю словами песни, сложенной много лет назад в Туве известным археологом профессором Л. Р. Кызласовым. Но все-таки каждый из нас знает, что он хочет найти. Шинэхуу мечтает о древнетюркских надписях. Их выбивали на скалах процарапывали на сосудах и штукатурке еще в VII—IX вв. Знаменитые надписи древнетюркских каганов рассказывают о походах, о боевых сражениях, о нравах народов и деяниях полководцев. Меня же интересуют памятники древнего изобразительного искусства.

ва: оленные камни, каменные изваяния тюркского времени (в народе их называют «каменными бабами»). Мы ищем всюду выбитые на скалах рисунки, которые рассказывают о буднях и праздниках, об охоте и войне, о вере древних и любви, о быте, одежде и жилье. И еще о многом, чего мы пока не в силах объяснить. Каждая находка приносит новые решения и порою в корне меняет прежние представления. Мы находимся в той трудной, но счастливой поре монгольской археологии, когда только устанавливаются критерии, ставятся проблемы и лишь на сотую часть возникающих вопросов можно найти ответ сегодня. Все же остальные ответы в поле, в горах, в земле. Разведка наша обещает новые петроглифы: где же еще искать наскальные рисунки, как не в горах? Посетим мы и те памятники, где бывали прежде. Но это еще далеко впереди, надо доехать.

...А среди всех этих надежд и планов есть у меня потаенная мечта — добраться до той горы, где, как мне говорили пастухи год назад, выбиты изображения воинов на конях, покрытых какой-то сетью. Сеть могла означать только одно — панцирные доспехи.

Защитное облачение боевых коней, судя по самым разнообразным данным, впервые было введено египтянами и ассирийцами. Были известны доспехи на боевых конях — катафракты — и в позднем Риме, встречались они также и в других армиях древности.

В науке до сих пор идут споры, где и когда возникли первые катафрактарии — всадники на панцирных конях. Ведь панцирное конное войско могло появиться только при соответствующих экономических и политических условиях развития общества. Нигде появление катафрактариев нельзя объяснить случайностью. Следовательно, сам факт их существования — один из важнейших документов для понимания исторических судеб древнего мира.

Но катафрактарии в Монгольском Алтае — в краю, еще до недавнего времени считавшемся «белым пятном» и резко отстающем в своем развитии от сопредельных областей?..

Возможно ли в столь глухих и отдаленных ущельях Алтая, окруженных со всех сторон снежными перевалами, обнаружить самый современный для своей эпохи строй вооруженных воинов? Правда, древнекитайский историк Сыма Цянь писал о существовании доспехов

у северных кочевников — хуннов. Но многие современные историки не раз высказывали сомнения в истинности этого свидетельства.

Петроглифы мы увидели сразу же, в первый день, еще до перевала. На склонах гор застыли фигурки козлов и баранов, всадники, стреляющие в солнце, охотники. Рисунки эти были обычные, подобные сюжеты встречались нам не раз в Монголии. Интересные петроглифы оказались на черной базальтовой горе удивительно правильной пирамидальной формы. Местные жители называют ее Хутаг-Ула, что значит «святая» или «святенная» гора; все большие камни на ней покрыты сценами охоты, всадниками, изображениями древних колесниц. Эти легкие повозки эпохи бронзы как бы летят ввысь — так стремительны парящие четверки и тройки лошадей. А рядом так называемые «небесные кони» с длинными лебедиными шеями, узкими изящными крупами и длинными хвостами. Они воскрешают мифы о легендарном богатырском коне, который в минуту опасности обретает крылья и, распластав гриву и хвост, взлетает в небо.

К вечеру посчастливилось и Шинэхуу. На самой вершине горы, на круглом камне, он увидел древнетюркскую надпись. Почти полторы тысячи лет назад подъехал к этой горе всадник, стреножил коня и поднялся на вершину. Он увидел, как мы сегодня, необъятную ширь горных цепей, почувствовал близость неба и выразил в надписи веру в небо и солнце, утвердив тем самым и свою силу. «Я, сын неба, оставил здесь свой знак» — примерно так начерно перевел каменные строки Шинэхуу.

Здесь мы и заночевали. У порога «неведомого мира».

Чудеса начались сразу же за перевалом. В первом же селении за хребтом. В Баянлегсомоне мы услышали интригующее название Бичгтын Ам — «Ущелье рисунков». Далее шла только конная тропа. Машина карабкалась по ущелью вслед за всадниками-проводниками. Шинэхуу кричал Борису в самое ухо: «Прошла лошадь — пройдет и машина! Доедем!..»

Впереди спешивается проводник Ульзийдорж. Борис ставит на тормоза машину, а мы тут же кладем под колеса камни. ГАЗ-66 застыл в позе вздыбленного коня. А Ульзийдорж уже машет рукой с вершины горы. И что-то кричит.

... Вся гора и две следующие покрыты рисунками —

их тысячи. Мы увидели изображения оленей (а ведь это уже гобийская зона), диких козлов, баранов-архаров, сцены загонной охоты трехтысячелетней давности. Но самой главной темой, лейтмотивом всех рисунков на этих скалах был культ плодородия. Древние художники судивительным постоянством передавали в рисунках свои мечты о продолжении рода, об увеличении стада. Это была мольба, которую сдержанные и немногословные люди принесли в горное ущелье и поведали ее только скалам.

Пройдет с тех пор не одно столетие, а их потомки еще долго будут приносить к подножию горы свои скромные дары, а затем высекут слова тибетской молитвы: «Благословен ты, сидящий на цветке лотоса». Мимоходом в эти отдаленные места попасть невозможно, значит, люди приезжали в ущелье специально, из поколения в поколение, так, как ходят верующие в храм.

Здесь можно работать месяцы, и то вряд ли удастся даже поверхностно исследовать это святилище. Но мы вынуждены ехать дальше, наша задача — лишь разведка. И снова нас трясет и швыряет, вытряхивает из головы все мысли, кроме одной — только бы выдержала машина.

А она тем временем вскарабкалась на очередной хребет, протиснулась меж скальных выходов. Внизу, в долине, течет тонкой струйкой река, вокруг ничего живого. Суровый каменистый пейзаж из оранжевых скал и фиолетово-синего неба. Мы стоим на краю плато, ветер норовит свалить нас вниз и пронизывает холодом. Трудно поверить, что два часа назад мы изнывали от зноя. Спускаемся, с трудом выбирая дорогу, затем, переваливаясь с камня на камень, едем вдоль русла. За поворотом ущелья посреди долины, на возвышении, видим одиноко стоящий высокий камень. Современники скифов в I тысячелетии до н. э. поставили эту стелу на могиле воина. Выбили на ней пояс с оружием, изобразили ожерелье, большие серьги в ушах и даже косичку на голове (такое вообще мы встретили впервые). Лица нет, его, видимо, не считали деталью существенной. Зато прекрасно выполнены кинжал с навершием в виде головы барса, нож, точило, лук со стрелой, колчан и копье с бунчуком на конце. Такие копья были ранее известны только по петроглифам древнетюркского времени. Найденное нами копье-знамя древнее на тысячу лет!

И снова мы едем без дороги, ориентируясь только по заходящему солнцу. По сути дела, наугад. Бивак разбили на широком высоком плато без каких-либо признаков жизни и растительности. Кругом песок, горы и тяжелые свинцовые тучи над головой. Ночью мы проснулись от ураганного ветра, который рвал брезент, раскачивал машину, сыпал на нее потоки песка. Ураган влетел в оранжевую палатку с изящными занавесочками на окнах, и она лопнула как мыльный пузырь. Казалось, и машина, гремевшая всеми металлическими застежками тента, вот-вот взлетит в воздух. На той пустынной земле под самым небом, безжалостным и гневным, не было никого, кроме нашего крохотного отряда.

К утру ураган стих так же внезапно, как и начался. И снова дорога, и снова оленные камни, курганы, составление планов могильников, фотографирование и небольшие раскопки, а за перевалом, вдоль ущелья — сплошные наскальные рисунки. От Алтай-сомона открыт новый перевал. Рядом с дорогой в местности Улан-Ирэг стоит тюркская «каменная баба». Ее окружает оградка, заполненная жертвенными приношениями: монетами разных времен и народов — тугриками, мунгами, древними чохами с квадратными отверстиями, бумажными деньгами, свитками с ламаистскими молитвами. На шее статуи повязан выцветший платок.

— А все-таки пробились, — сказал Шинэхуу. — Здесь я родился и вырос и помню, как к этой каменной стеле приходили наши деды с приношениями.

17 лет прошло с тех пор, как молодой уйгур Шинэхуу покинул родные места, уехав учиться в Улан-Батор. А теперь он вернулся на родину известным специалистом — его доклад о вновь найденных древнетюркских памятниках на конгрессе ЮНЕСКО вызвал всеобщий интерес.

Трудно после такой разлуки за одни сутки рассказать о себе и узнать все новости, нелегко и покинуть родной очаг. Но мы торопимся, ибо по другую сторону хребта, за многими перевалами, нас все еще ждут, мы надеемся, легендарные рыцари.

В городе Кобдо наш отряд увеличился: директор городского музея Далхажав без колебаний примкнул к нам. Весть о наших поисках распространилась по степи мгновенно. Нас возили от скалы к скале — их были сотни, скал с петроглифами, — показывали пещеры с наскаль-

ными изображениями. Но всадников не было нигде.

Наконец, уставшие и угрюмые, мы заночевали в одном аиле. Гостеприимные хозяева быстро приготовили праздничные пельмени — бозы, устали весь столик в юрте блюдами с вареным мясом и особо приготовленными потрохами. Но помочь в поисках древнемонгольских рыцарей не могли.

— Вот найти бы нашего учителя, -- сказал кто-то. — Он все знает здесь. Только как найдешь его — время-то неучебное...

Далхажав безмолвно исчез.

Думаю, он обошел и объехал все окрестные аилы и юрты в поисках учителя.

То была беспокойная ночь. Казалось, что зря мы тревожим добрых людей, которым завтра предстоит кочевка на зимние пастбища. И уже трудно было поверить в успех. Луна освещала снежную вершину, на склонах которой и терялась отгадка многовековой тайны. Шансов не было, как не было очевидцев и проводников.

На рассвете появился Далхажав:

— Собирайтесь! Учитель ждет нас.

Тайна оказалась совсем рядом. В нескольких часах езды.

...На широком ущелье на горе Хар хад — «Черная гора», высоко под самым небом мы увидели всадников: пять широкоплечих воинов с узкими талиями, в шлемах и с длинными пиками в руках. Воины и кони действительно были покрыты сетью — и сеть эта означала боевые панцири.

Пройдут годы, прежде чем эти всадники заживут новой жизнью на страницах истории Монголии, Центральной Азии и, быть может, истории Древнего Востока. А пока, стоя под отвесной скалой, мы с Шинэхуу и Далхажавом не можем оторвать глаз от освещенной солнцем картины.

— Интересно, насколько эти воины древнее армии Чингисхана? — размышляет вслух Шинэхуу.

— Трудно сразу сказать, но скорее всего более, чем на полтысячелетия.

Перед нами были типичные катафрактарии со всеми необходимыми реалиями: тяжелым оборонительным доспехом на воинах (длиною до самых щиколоток), с панцирем на лошадях и неременным оружием тяжеловооруженных всадников — длинными пиками. На верхних

концах пик показаны бубенцы, подобные тем, что обнаружены исследователями на фресках Синьцзяна.

Шлемы украшены пером, как и шлемы древних корейских воинов IV в. (Кстати, конь и олени в верхней части рисунка тоже более всего похожи по стилю на изображения на корейских росписях в гробницах). Сами же всадники отдаленно напоминают парфянских катафрактариев на граффити, процарапанных в Дуре-Эвропосе — городе, основанном на реке Евфрат во II в. до н. э.

О чем говорят эти сравнения? О том, что всадники появились на горе Хар хад скорее всего около VI в. н. э. О том, что в ту отдаленную пору в тактике степных кочевников Центральной Азии, так же как и на Иранском нагорье и в евразийских степях, появились серьезные изменения, связанные с введением тяжеловооруженной конницы, строем этой конницы, атакующей противника тесно сомкнутым строем, бой в одиночку невозможен и губителен для всадника в доспехах. Потому-то под катафрактариями следует понимать не только всадника, а весь боевой строй тяжеловооруженной конницы.

О ранних катафрактариях в Центральной Азии практически до сих пор было известно очень немного: сохранились лишь отдельные упоминания о находках металлических пластин, отрывочные свидетельства письменных источников и более поздние фрески.

Рисунки, высеченные на горе Хар хад, убеждают в том, что в первые века нашей эры в районе Монгольского Алтая уже существовала тяжеловооруженная конница. Судя по изображению, доспехи были разнообразны. Иные застегивались с боков и имели наплечья, иные запахивались спереди, так же как у центральноазиатских воинов на более поздних фресках Дуньхуана. Конский панцирь был из двух частей и имел прорезь для хвоста.

Художники VI—VII вв. показали нам строй воинов, лишний раз подтвердив в художественной форме отрывочные сведения письменных источников. Они сообщают, что тюркская кавалерия становилась грозной силой: «Сила тюкю-тюрок заключается лишь в верховой езде и стрельбе из лука. Если они видят благоприятное положение, то продвигаются вперед, если замечают опасность, тотчас же отступают. Они бушуют как буря и молния и не знают устойчивого боевого порядка. Лук и стрелы являются их когтями и зубами, а кольчуги и шлемы — повседневным одеянием».

Преимущество тюркского конного строя, идущего под прикрытием защищенных латами катафрактов, сделало армию тюрков серьезной силой. И с каждым походом росло богатство тюркских ханов. Вот как описан прием, оказанный тюркским ханом в честь византийских послов: «Они обедали... в том самом шатре. Он был сделан из шелковых тканей, искусно испещренных разными красками. Они пили вино, но не такое, какое у нас выжимается из винограда. Напиток, ими употребляемый, есть какой-то варварский. На другой день они (римляне) были переведены в другую кущу, сбитую и испещренную также шелковыми покрывалами. Здесь стояли и кумиры, различные видом. Дизавул (истеми-хан) сидел на ложе, которое было все из золота. На середине этого помещения были золотые сосуды и кропильницы и бочки тоже золотые... В следующий день они пришли в другую комнату, где были столбы деревянные, покрытые золотом, также и ложе вызолоченное, поддерживаемое четырьмя золотыми павлинами. Перед комнатой на большом пространстве в длину были расставлены телеги, на которых было множество серебра, блюда и корзины и многие изображения четвероногих, сделанные из серебра, ничем не уступающие тем, которые делают у нас. В этом состоит роскошь тюркского князя».

В тюркской архитектуре в погребальных комплексах центр внимания был перенесен из-под земли на поверхность. Шла ли речь о дворцах или погребениях, правители стремились воздвигнуть монументы, возвеличивающие память об их подвигах. Не удивительно, что древнетюркская эпоха в искусстве ассоциируется с каменными изваяниями, сотнями и тысячами расставленными на обширной земле их обитания. Они сохраняют повсюду свои специфические черты.

ЧТО ТАКОЕ
«КАМЕННАЯ БАБА»?

В простонародье, а затем и в специальной литературе эти монументы получили название «каменных баб». Однако слово «баба» в данном случае означает не грубый

синоним русского слова «женщина», тюркский корень «баба» — «отец», а следовательно, «предок».

Они встречаются в южнорусских степях (половечские), в Казахстане, Киргизии, Минусинском крае, Алтае, Туве, Монголии и Сынцзяне. Более же всего каменные изваяния характерны для центра тюркского государства, где, кстати, находятся и древнейшие из них. В отрогах горного Алтая и монгольских степях «каменные бабы» существовали уже в VII—VIII вв., несколько позднее они появились в Киргизии, Казахстане и Средней Азии.

Из киргизских степей вместе с перекочевавшими оттуда кипчаками-половцами распространились в XI в. на запад и каменные идолы. Так они появились на Волге, а вскоре украсили и восточноевропейские степи вплоть до Киева.

Монгольские изваяния изображают мужчину в головном уборе, в халате с глубоким запахом слева направо и с широким поясом, сплошь покрытым бляшками. Непременным атрибутом является сосуд в правой, согнутой в локте руке. Левая рука иногда сжимает кинжал.

Тюркские изваяния, так же как оленные камни, не всегда можно назвать скульптурой: лица в редких случаях были конкретным портретом. Как правило, на хорошо отесанном каменном столбе ваялась голова, шея и плечи. Часто сама идея скульптуры заменялась рисунком и резьбой. В таких случаях руки, детали халата, пояс и оружие показаны рельефной линией. Исключение составляют каменные скульптуры на поминальных памятниках в честь каганов, их сподвижников и полководцев. Крупнейший среди них храмовый комплекс в честь полководца Кюль-тегина.

Хотя раскопками была вскрыта лишь часть памятника Кюль-тегина, но и то, что стало известно благодаря этим исследованиям, позволяет судить о характере и архитектуре этого легендарного сооружения и предложить его реконструкцию.

Территория была окружена мощной глинобитной стеной шириною около метра. Правильный прямоугольник стены тянулся с востока на запад. Стена по верху была покрыта черепицей, а снаружи окружена глубоким рвом глубиной до двух метров, который прерывался лишь у самых ворот на востоке.

В центре двора помещалась дворцовая постройка, ко-

торая была водружена на специально насыпанном земляном фундаменте.

Внутри здания некогда были четыре центральные колонны. Они обособливали алтарь, и на них, очевидно, базировался верхний ярус крыши. На внешних 12 колоннах держался нижний ряд крыши.

Итак, можно допустить, что храм в честь Кюль-тегина имел внешний ряд колонн, на которых держалось все здание и нижний ярус крыши, несший на себе тяжелую черепицу. На четырех центральных колоннах базировался второй верхний ярус крыши. Именно здесь в полумраке храма, освещаемого только через дверной проем, и совершалось ритуальное захоронение урны с прахом великого полководца. Здесь-то в центре здания в глубокой яме был найден большой сосуд, а над ним была помещена статуя сидящего Кюль-тегина. Рядом стояла статуя, очевидно, его жены.

Описанное здание имело бесспорно культовое значение. Оно было построено в честь одного человека уже после его смерти. И росписи на стенах, о которых сообщает китайская хроника (до нас дошли лишь небольшие фрагменты), восхваляли величие его подвигов, так же как и тексты на каменной стеле, поставленной недалеко от храма. Стела стояла на каменной черепахе, от нее тянулись два ряда каменных статуй.

Так же как и сам храм, площадь вокруг него не была местом ни официальных приемов, ни ритуальных торжественных церемоний. Видимо, лишь один раз после окончательного сооружения комплекса по главной аллее двора прошла поминальная траурная процессия.

ПОРТРЕТ КЮЛЬ-ТЕГИНА

Фасад здания был обращен на восток, навстречу лучам восходящего солнца. Впрочем, на восток было обращено и все сооружение: ворота были на востоке, стела с тюркским текстом была ориентирована на восток своей широкой стороной. На восток смотрели статуи...

Среди находок экспедиции Л. Йисла (чехословацко-

монгольская экспедиция работала в Хошо-Цайдаме в 1957 г.) едва ли не самые интересные — скульптуры, обнаруженные в святилище храма. Судя по обломкам, принц и его супруга были показаны по-разному: левая фигура стоит, преклонив колено, правая сидит, держа в руке сосуд.

Изображение Кюль-тегина в высоком головном уборе передает индивидуальные черты сильного человека: решительно сжатые губы, тяжелый волевой подбородок. Скульптор не стремился польстить оригиналу, не скрыв ни возраст (это действительно портрет человека сорока с лишним лет), ни угрюмое выражение лица. Каменный лик впечатляет не красотой, а скрытой силой и энергией, так что образ читается сразу, несмотря на то что он показан без особых мужских примет: усов, бороды. Не удивительно, что в тот же момент, когда голова была извлечена из-под земли, раздались дружные голоса и монгольского археолога Сэр-Оджава, и чешского искусствоведа Йисла и советского археолога В. Волкова: «А вот и сам Кюль-тегин!» Именно такое лицо могло быть у решительного полководца, жестокого в расправе с непокорными и смелого в бою. Это было лицо человека, добывшего кровью власть и отказавшегося от нее в пользу старшего брата Могиляна (ставшего позднее Бильге-каганом).

Иконографические черты мраморного портрета, лепка головы Кюль-тегина, халат с запахом налево и высокий головной убор — все говорит о тюркских традициях. Тщательно проработанный головной убор в виде короны с птицей, раскрывшей крылья для полета, — явления местного характера. Изображение птицы часто встречается на художественных произведениях ранних кочевников, начиная с середины I тысячелетия до н. э. Хищные птицы и грифоны известны и на хуннских бронзовых и золотых пластинах от пояса. Символическая птица высечена вместе с ханской тамгой над головой юноши на тюркской гробнице в Асхате. Вообще птичий мотив в тюркском искусстве имеет прямой контекст с шаманской символикой, где птица ассоциируется с душой умершего.

Очевидно, у древних тюрков, как и у многих народов Сибири и Средней Азии, существовало представление о душе умершего в образе птицы (орла, сокола). Не потому ли во всех древнетюркских текстах на камне вме-

сто глагола «умер» говорится «улетел». Многократные упоминания в тюркских эпитафиях шаманских божеств «тэнгри» (Небеса), «жэр» (Земля) и «суб» (Вода) как мест обитания духов-символов свидетельствуют о том, что языческие и шаманские культы еще преобладали в тюркское время и даже были распространены в аристократической среде.

Косвенно поклонение предкам и забота об их душах были связаны с древними традиционными жертвоприношениями, особенно широко бытовавшими на западе Монголии в более древнем периоде. Как видно, несмотря на первые попытки внедрения будизма, основная масса тюркского населения была еще под сильным влиянием шаманистических представлений с примесью тотемизма, поклонения солнцу, духам гор, стихий, с верой в волка-прародителя и с одним из самых сильных культов — культом предков.

В этой связи кажется весьма правдоподобной гипотеза, высказанная Сэр-Оджавом по поводу исчезновения голов на древнетюркских «каменных бабах». Он предположил, что «обезглавливание» каменных идолов связано с проникновением в Монголию буддизма. Проповедники новой религии, отбивая головы тюркским изваяниям, отвергали тем самым основную религию тюрков — шаманизм. А уничтожение «каменных баб» — основных объектов поклонения, олицетворявших культ предков, может быть сравнимо с уничтожением храмов и идолов при борьбе любой религии с ее предшественницей.

Интересно, что в самых глухих таежных уголках северных аймаков страны, где шаманизм сохранял свои позиции вплоть до XX в., тюркские изваяния стоят и поныне со своими гордыми и надменными каменными головами.

Вообще в Монголии в отличие от всех остальных территорий (особенно от южнорусских степей) подавляющее большинство стел стоит на тех самых местах, где они были установлены первоначально. До сих пор местные жители берегут их и относятся с нескрываемым почтением. У оградок многих «каменных баб» лежит тот же набор приношений, что и в горах около «обо» — мест поклонения духам гор — и около шаманских деревьев (на пример, на берегу реки Чулуут).

Порою местные жители боятся двигать каменные изваяния, приписывая им злые чары. В таких случаях по-

дарками и жертвоприношениями пытаются уболаготворить духа.

Уважение к древним традициям, почтительное отношение к старикам, любовь к своей красивой и богатой стране отличают всех монголов от мала до велика.

В стране легенд и древних традиций, в стране народных умельцев и смелых наездников строится новая жизнь. Здесь распахивают поля для пшеницы, создают молибденовый комбинат, открывают новые минералы, лекарственные травы, строят в степи города.

Наше путешествие по Монголии подходит к концу. Мы побывали во многих аймаках, поднимались высоко в горы, пересекли гобийские степи в разных направлениях. Мы повидали на своем пути памятники разных времен и народов, побывали в красивых новых и старых городах, заглянули в лаборатории Академии наук, встречали удивительных и интересных людей, но все-таки самое интересное у этой страны еще впереди.

Впереди новые открытия, новые стройки, а значит, и новые люди, и новые встречи. Мы вернемся в эту страну древней самобытной цивилизации, в сказочно красивую страну эдельвейсов — в Монголию будущего.

СЛОВАРЬ НЕКОТОРЫХ МОНГОЛЬСКИХ И ТИБЕТСКИХ СЛОВ, УПОТРЕБЛЯЮЩИХСЯ В КНИГЕ

Аил — самая маленькая социальная ячейка монгольского общества, более всего соответствующая европейскому термину «семья» или «хозяйство». Аил включает от двух до пятнадцати человек, живущих соответственно в нескольких юртах.

Аймак — крупная административная единица, соответствует области.

Айрак — кумыс, кобылье молоко, приготовленное специальным способом.

Арат — скотовод.

Аргал — сухой помет, один из наиболее распространенных в Монголии видов топлива, исключая северную лесную и южную гобийскую зоны.

Арул — вид сушеного творога.

Архи — молочная водка.

Аршан — минеральный источник.

Бодог — мясо сурка-тарбагана или козла, сваренное в собственном соку в шкуре на раскаленных камнях.

Богдо-гэгэн — титул ламаистской церкви в дореволюционной Монголии.

Бозы — пельмени с мясом и специями, приготовленные на пару.

Бориог — вид печени.

Будда — бог, букв. «осененный истиной» (санскрит).

Бурхан — бог, будда; Долоон Бурхан (семь бурханов) — Большая Медведица.

Бяслаг — монгольский пресный сыр.

Великий хурал — высший орган государственной власти в МНР.

Говь (гоби) — равнина или гористая местность с каменистыми почвами, покрытая редкой полупустынной растительностью, где воду можно найти только в колодцах или родниках.

Гутулы — монгольские кожаные сапоги с загнутыми носами и стегаными войлочными подошвами.

Гэгэн — титул высших лам, святейший, «перерожденец».

Гэр — монгольская войлочная юрта, отличающаяся по конструкции от казахской и киргизской.

Дабаа (дабаан) — горный перевал.

Далай-лама — верховный лама, правитель Тибета.

Дарга — начальник, председатель.

Дэл — монгольская верхняя одежда мужчин и женщин в виде халата на подкладке или на меху.

Каган — правитель древнетюркского каганата (вторая половина I тысячелетия н. э.).

Керексур (хиргизнур) — каменные курганы начала и середины I тысячелетия до н. э.

Ламаизм — «желтая вера», монг.-тибет, разновидность буддизма.

Лама — букв. «выше нет» (тибетск.), буддийский монах.

Майхан — монгольская палатка.

Мазалай — гобийский медведь.

Моринхур — смычковый музыкальный инструмент, на котором играют смычком из пучка конских волос, натянутых на изогнутую в

виде лука деревянную рукоять. Назван по изображению лошадиной головы на грифе (морь, морин — конь, монг.).

Мунг — мелкая монгольская монета.

Надом — традиционный монгольский праздник со скачками, стрельбой из лука и соревнованиями в борьбе. Отмечается 11 июля, в день победы народной революции.

Номад — кочевник.

Нур, нор — озеро.

Обо — искусственное ритуальное сооружение из груды камней (чаще на вершине холма или горы), жертвенник духам гор.

Сомон — современная административная единица Монголии, соответствует району. Сомонный центр — административный центр сомона.

Субурган (ступа, чатья, чортэнь) — буддийское культовое сооружение, надгробная пирамида, иногда скульптурное миниатюрное изображение этого священного памятника.

Сутра — книга наставлений, книга в виде длинных несброшюрованных листов, складывающихся в виде русской гармошки.

Тараг — кислое молоко типа кефира, йогурта.

Тарбаган — сурок.

Тахь — дикая лошадь.

Тугрик — монгольская денежная единица.

Улан — красный.

Урюм — сливки, полученные после долгого кипения молока.

Хадак — отрез узкого тончайшего шелка, который подносят в знак глубокого уважения и благопожелания, держа на вытянутых руках.

Халхасцы, халхи — основное население Монголии.

Хашан — двор, забор, загон для скота.

Хошун — феодально-административная территориальная единица дореволюционной Монголии. Упразднена в 1931—1933 г.

Хошур — жареный пирожок.

Худон — провинция, сельская местность.

Хунну — народ, населявший Центральную Азию в конце I тысячелетия до н. э. — начале I тысячелетия н. э.

Хурал — собрание.

Цам — букв. «танец» (тибет.) — танцевальная мистерия в масках ламаистского содержания. Впервые в Монголии исполнялся в середине XVIII в. в монастыре Эрдэнэ-Дзу. Последний цам можно было увидеть в 1928 г.

Цагаан-сар — Новый год, февраль — месяц, с которого начинается год лунного календаря.

СОДЕРЖАНИЕ

4	Монголия — географический феномен
22	Пещерные рисунки палеолитического человека
29	Новые послания из Жервенники горы Аршан хад
39	Дорогой древних колесниц
44	Некрополь воинов скифского времени
47	«Звериный стиль» в прошлом и настоящем
65	Великолепные катафрактари
78	Словарь некоторых монгольских и тибетских слов, употребляющихся в книге

Элеонора Афанасьевна НОВГОРОВОА
В СТРАНЕ ПЕТРОГЛИФОВ И
ЭДЕЛЬВЕЙСОВ

Главный отраслевой редактор *В. Демьянов*. Редактор *К. Томила*. Мл редактор *Н. Терехина*. Художник *Н. Беляева*. Худож. редактор *М. Бабичева*. Техн. редактор *А. Красавина*. Корректор *В. Калинина*.

ИБ № 5094

Сдано в набор 22.10.81. Подписано к печати 15.04.82. А 02726. Формат бумаги 84×108¹/₃₂. Бумага иллюстрац. (оберточная). Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л 4,20+вкл 0,84. Усл кр.-отт. 6,51. Уч.-изд. л. 5,43. Тираж 50 000. Заказ 10169. Цена 30 коп. Издательство «Знание». 101835, ГСП, Москва, Центр, проезд Серова д. 4. Индекс заказа 827719. Типография издательства «Коммунист», 410002, г. Саратов, ул. Волжская, 28

Что можно прочитать на этом петроглифе ?
 В горах Монгольского Алтая, на берегу реки
 Цаган Гол (Белая река), где этот рисунок был обнару-
 жен, хунны выбили на скале обряд похорон своего
 вождя. По легенде,
 тело его было посажено
 в лодку, рядом привя-
 зали жертвенного ба-
 рана. Три пары коней
 тащили лодку к месту
 погребальной каме-
 ры, обшитой бревнами,
 устланной коврами и
 шитым войлоком.
 Вместе с умершим
 привязали раба и
 коня, убитых под
 пляски шаманов,
 под удары бубнов.
 Конь замаскирован под
 оленя - тотемного предка
 рода. Два
 воина с копьями
 охраняли вход
 в могилу - последний
 рубеж, отделявший
 живых от мертвых.
 Внизу автор рекон-
 струкции как бы перевел сюжет
 наскальной легенды на язык современного рисунка.

